

Сергей Панченко

СЕТЬ

ИДДК

КНИГА 1

Сеть

Сергей Панченко

Сеть. Книга 1

«ИДДК»

2020

Панченко С. А.

Сеть. Книга 1 / С. А. Панченко — «ИДДК», 2020 — (Сеть)

ВНИМАНИЕ! НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИЮ О НАРКОТИЧЕСКИХ, ПСИХОТРОПНЫХ, ОДУРМАНИВАЮЩИХ ВЕЩЕСТВАХ ИЛИ ИХ АНАЛОГАХ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. "Сеть" – роман Сергея Панченко, первая книга одноименного цикла, жанр киберпанк, боевая фантастика, научная фантастика, героическая фантастика. Знала ли Полина Громова, студентка медицинского вуза, чем обернется ей предложение профессора Блохина в обмен на четверку. Она обрела суперспособности, которые преподаватель решил спрятать у нее в голове, но вместе с ними нажила серьезные неприятности. Международный преступник Филиппос, решивший овладеть миром через захват управлением Сетью, узнав о работах профессора, воспылил желанием обладать ими.

© Панченко С. А., 2020

© ИДДК, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Панченко

Сеть. Книга 1

© Панченко Сергей

© ИДДК

Глава 1

Внутри сна начало зарождаться чувство тревоги. Оно мешало предаться заключительному, самому сладкому забытию перед тем, как сработает будильник. Нега и тревога враждовали между собой довольно долго, пока не победила тревога. Полина резко села на кровати, взгляд ее уперся в молчаливый экран терминала. Кажется, проспала. У соседки по комнате, не полагающейся на современные технологии, тикал старомодный будильник. Время на нем подходило к десяти.

Полина отбросила одеяло и заметалась по комнате, переворачивая стулья и натываясь на собственный беспорядок. Через час у нее был назначен экзамен по нейробиологии. Все бы ничего, но профессор Блохин слыл настоящим деспотом и гнобил любого студента, заподозренного в недостаточном пиетете к предмету и лично к нему самому. Нейробиология не относилась к любимым наукам Полины, ее вполне бы устроила натянутая четверка, но опоздание грозило перечеркнуть приближающиеся летние каникулы. Профессор мог устроить в отместку несколько пересдач в удобное для себя время.

Роста Полина была среднего, со стройной, но отнюдь не хрупкой фигурой. Ее конституция выдавала спортивные наклонности, но девушка ничем профессионально не занималась, отдавая все время учебе. Густые каштановые волосы были опущены ниже плеч. Полине нравилось делать из них необычные прически. Ей очень шли плетенные хитрым манером косы. Большие распахнутые глаза основную часть времени казались серыми, но часто меняли оттенок от зеленого до голубого в зависимости от выбранного цвета одежды. Нос, или скорее носик, был небольшим и остреньким, красиво сочетаясь с пухлыми щечками и полными губами. Полина не считалась признанной красавицей на курсе, но поклонников имела предостаточно.

Проклиная новые технологии, на которые нельзя положиться, Полина забралась под душ, одновременно чистя зубы. Казалось, что мир наконец-то пришел к той стадии развития, когда можно было многое отдать на откуп электронике. Все было подключено к Сети и контролировалось извне, только чтобы индивидуум не отвлекался от тех забот, которые сам для себя выбрал. Туалет делал анализы и отправлял их в банк данных. Если у пользователя что-то случалось со здоровьем, ему прописывались процедуры или диеты. Душ знал, сколько тебе нужно воды и какой температуры. Кухня рассчитывала для тебя калории и витамины. Фабрики строили одежду и обувь для конкретного человека, учитывая особенности строения его тела. За всем был пригляд, и люди начали понемногу привыкать к ненавязчивой заботе и поняли огромное удобство подобной социальной модели.

Огромные вычислительные возможности Сети, опутавшей Землю на суше, в воздухе и ближнем космосе, позволяли создавать комфорт каждому конкретному жителю планеты. Это было прекрасно, пока система не начала давать сбои. Полина точно помнила, как терминал перед выключением спросил, во сколько ее разбудить. Полина попросила сделать это в половине восьмого и повторить через полчаса, если она не сможет сразу встать. И что же – экран черным прямоугольником траурно смотрел на мечущуюся девушку. Сеть забыла про нее? Прогнозировала? А может быть, своими распределенными вычислениями уже вычеркнула человеческую единицу из всех списков?

– Включайся, скотина! – зло буркнула в его сторону Полина, на ходу впрыгивая в шорты. – Покажи, как ты умеешь краснеть со стыда.

Терминал загорелся синим экраном с надписью «Профилактические работы».

– Что это значит? – Девушка впервые столкнулась с подобным явлением. – Ты мог бы меня предупредить, что сегодня у тебя наступят критические дни? Из-за тебя я опаздываю на экзамен.

Терминал ничего не ответил. Полина рыкнула в его сторону, схватила сумку и выбежала в коридор. Электронный замок защелкнул входную дверь. Понятно было, что времени добраться до универа на автобусе у нее нет, придется воспользоваться автомобилем, что для студента непозволительная роскошь.

В отстойнике стояло штук семь разнокалиберных машинок. Полина выбрала двухместную, самую дешевую. В тот момент, когда ее рука взялась за ручку двери, сенсор снял отпечаток ДНК девушки, передал его в Сеть, получил подтверждение и открыл дверь. Для человека этот процесс происходил мгновенно.

– Проспект Парковый, сорок шесть, к порогу медицинского университета, – сообщила адрес Полина.

– Заказ принят. Спасибо, что выбрали нашу компанию.

Машина плавно и беззвучно тронулась на электротяге. Настройки, однажды сохраненные Полиной в таком же автомобильчике, по умолчанию включились и на этом: комфортная температура, развлекательный канал, положение сиденья.

– Включи мне лекцию про мозг по нейробиологии, – попросила Полина терминал автомобильчика, надеясь как-то освежить память по дороге.

Три минуты до экзамена оставалось, когда неторопливый и глухой к ее просьбам поднажать автомобиль остановился у монументальной лестницы учебного заведения. Деньги снялись автоматически. В ухе тренькнуло сообщение. Машинка покатила к ближайшему отстойнику, а Полина как угорелая помчалась по лестницам на третий этаж.

Сердце ее остановилось, когда она увидела, в каком состоянии ее ждал Блохин. Профессор нервно ходил по кабинету, взгляд метал молнии, губы шептали молчаливые проклятья. Приняв его нервозность на свой счет, Полина сделала несмелый шаг в кабинет, готовая повиноваться в чем угодно, лишь бы не усугубить ситуацию.

– Здравствуйте, профессор, – робко поздоровалась Полина.

Она искала в глазах профессора отклик. Тот как-то странно, мельком, прошелся взглядом по студентке и, не замечая ее, продолжил метания по кабинету. С губ его слетал шепот, похожий на колдовские заклинания.

– Извините, но терминал в моей комнате сегодня оказался на профилактике, и поэтому я чуть не опоздала. – Полина не поняла, почему профессор не обращает на нее внимания.

– У тебя экзамен сегодня? – Профессор мотнул седой шевелюрой и замер.

– Д-да, в одиннадцать.

Профессора как будто выключили. Он уставился на Полину, но смотрел мимо нее и совсем не шевелился. Полина подумала, что у преподавателя «сели аккумуляторы». Прошла минута, а профессор все так же смотрел сквозь девушку и, казалось, забыл как дышать. Вдруг, так же резко, как замер, он встряхнулся и ожил.

– Экзамен, значит?

– Да, в одиннадцать вы мне назначили.

– Как звать?

– Полина Громова, второй курс, третья группа.

– Пятерку хочешь? – Его вопрос звучал с интригующей интонацией. За профессором не водилось славы сластолюбца или взяточника.

– Я уверена, что знаю ваш предмет на «хорошо». – Полина не поняла, к чему клонит Блохин, и попробовала ответить честно.

– Я могу поставить тебе «отлично», не принимая экзамен, но в обмен на одну услугу... – Профессор замолчал.

Его глаза странно горели. Полине показалось, что ситуация выходит за пределы ее понимания, и это стало тревожить.

– Какую услугу? – Полина решила отказаться в ущерб экзамену, если предложение профессора покажется ей чрезвычайно странным или опасным.

– Тайны хранить умеешь? – Блохин спросил это серьезно, чем еще больше напугал девушку.

– Простите, может быть, вы назначите мне экзамен в другой день, если не можете принять сейчас? – Полина попяtilась, готовая сбежать.

Профессор досадливо замотал нестриженной седой шевелюрой.

– В том-то и дело, что другого дня может не быть. – Блохин горестно, как показалось Полине, взглянул на нее. – Давай зачетку.

Полина положила руку на преподавательский стол. Экран на нем мгновенно опознал ДНК Полины и воспроизвел зачетку. Профессор занес палец над строчкой.

– Сколько?

– Я рассчитывала на четыре.

Блохин молча вывел четверку и приложился пальцем в квадрат с подписью. Вылезло сообщение, что оценка принята и внесена в реестр.

– Счастливо! – пожелал профессор девушке, странно смотрящей на него.

Такого не было в истории университета, чтобы Блохин поставил положительную оценку просто так. Просто так он ставил только «неуды».

– Спасибо.

Полина развернулась в сторону выхода, поправила сумку и пошла. Осторожно, боясь еще, что профессор ее разыграл и сейчас крикнет в спину: «Сюрприз, Громова, у тебя неуд!» Вместо этого в спину слышались шипящие заклинания. Блохин упер одну руку в бок, а второй нервно тербил косматую бороду. Он снова начал мерить кабинет шагами. Ему уже не было дела до студентки.

В дверном проеме Полину уколола совесть. Почему она не поинтересовалась, какую просьбу просил выполнить преподаватель? По его неадекватному поведению можно было понять, что она ему действительно нужна. Полина резко развернулась.

– Простите, профессор, а какая у вас была просьба?

Блохин остановился. Он снова смотрел сквозь Полину. Проблема, которая его мучила, не давала так сразу прийти в себя. Рецепторы реагировали на звук, но мозг еще некоторое время переваривал вопрос.

– Нет-нет, не надо. Я передумал. Это риск. Иди домой, Громова. Забудь.

Отказ возбудил любопытство. Полина почувствовала риск и азарт и не захотела так просто отступить. Чем она могла рисковать, когда оценка уже была в зачетке, и даже сам профессор не мог ее изменить?

– Обещаю держать язык за зубами, профессор. Я кремень, любую тайну могу сберечь.

– Это не шутки, Громова. Ты еще ребенок. Иди домой.

– Вы пожалеете, что упустили шанс.

Профессор снова замер. В нем боролись чувства, отключающие физическую активность организма. Видно было, что предложение Полины ему нравится, но что-то мешает ему принять его. Полине думалось, что профессор опасается огласки в стенах университета.

– Никто ничего не узнает, Владимир Константинович. Мне еще четыре года здесь учиться. Я дорожу этим и мечтаю стать хорошим врачом. – Полина как могла постаралась убедить мучающегося сомнениями ученого.

– Ты не понимаешь, девочка, насколько это опасно.

– Я люблю опасности, – беспечно заявила Полина. – Их в мире почти не осталось. Всё по плану, всё под присмотром. Опасность – это весело.

– Опасность – это опасность. Хорошо, – Блохин оценивающе посмотрел на Полину, – у меня нет времени искать другие решения.

Профессор выглянул в коридор, осмотрелся и закрыл дверь. Не просто закрыл, а всунул ножку стула между ручек, чтобы снаружи не могли войти. Полина смотрела за его действиями с растущим удивлением и легкой боязнью.

– Только не вздумай думать, что я старый бабник, – предупредил Блохин. – За свою честь можешь не беспокоиться, здесь она никому не нужна.

– Да я... да мне и не думалось ничего такого.

– Да брось. Я ваши девичьи реакции уже давно изучил. Но сейчас не об этом. Пойдем со мной.

Блохин завел Полину в лабораторию. Здесь девушка бывала много раз на практических занятиях. Вдоль стен лаборатории расположились шкафы с заспиртованными мозгами животных и людей. Посередине стояли столы с оборудованием для диагностики мозга. На них студенты просвечивали содержимое своих черепных коробок. Блохин провел студентку к столу, до которого он не допускал никого раньше. Студенты поговаривали, что профессор проверяет за ним только свой мозг и не желает допускать к нему иных, чтобы не сбить настройку.

– Садись, – мягко сказал профессор.

Полина готова была поклясться, что никогда не слышала таких добродушных ноток в его голосе во время занятий.

– Вы хотите просветить мне голову? – спросила она, усаживаясь в удобное кресло.

– Громова, я хочу сбросить тебе в память всю свою работу, собранную за многие годы.

– А Сеть для этого не подходит? – удивилась Полина.

В ней места хватало под всё, и даже больше.

– Я не доверяю Сети. Она не умеет хранить тайны.

Полине показалось, что профессор шутит или его разбил старческий маразм. В Сети применялось такое шифрование данных, что ни один суперкомпьютер не смог бы его взломать за целый век.

– У тебя слишком наивное представление о современном мире. Тебе кажется, что сейчас наступила эра благоденствия, когда все проблемы человека на себя взял искусственный интеллект, всезнающий и ничего не забывающий.

– Как-то так. Мне это кажется удобным. Страшно представить, если бы мы жили так, как мне рассказывала бабушка. Еду готовили сами, работали кем придется, болели, диагнозы ставили неправильные, денег не хватало...

– Согласен, решение бытовых проблем избавило нас от многих забот. Но у всего есть и обратная сторона. Мы размягчаемся, мы как будто засыпаем под убаюкивающей заботой Сети. – Профессор в это время ставил перед Полиной странный прибор. – И не всех это устраивает. Природа не терпит пустоты. Есть и несогласные с такой организацией общества.

– И кто они?

– Ты слушала мою лекцию про направление нейробиологии – кибернейробиологию?

– Да, – неуверенно сказала Полина, потому что успела позабыть об этом.

– Это про попытки совместить нервную систему живого организма с вычислительными возможностями компьютеров или с Сетью. Помнится, тогда я говорил, что это очень отдаленная перспектива. Кажется, я ошибался. Кому-то это удалось сделать сейчас.

– Это как киборги?

– Почти. Проблема была в том, чтобы наш мозг научился правильно переваривать большие объемы машинных данных. Допустим, мы подключаем к нервной системе компьютер, который решает нам сложные математические задачи, а мы хотим, чтобы в этом симбиозе человек был не просто болванчиком, выкрикивающим ответы, а вполне полноценным партнером. Для чего это нужно? Во-первых, это еще сильнее упростит мир и сделает человека на шаг ближе к совершенству. К единому информационному пространству, в котором новый человек будет ощущать себя внутри, а не снаружи, как сейчас. Интерпретация машинного языка и

мозговых импульсов в понимаемые коды сделает нас такими же элементами системы, какими сейчас являются компьютеры. Во-вторых, это расширит наши возможности, о которых еще не задумывались. Например, мы станем телепатами. Мы будем слышать мысли и видеть образы, которые нам будут посылать другие. Мы сможем записывать свои сны, сможем управлять своими аватарами, чувствовать то, что чувствуют другие.

– Это непостижимо так сразу, – призналась Полина, посчитав бурную фантазию профессора сопутствующим грехом творческой натуры. – А что, это кому-то удалось? В смысле – совместить?

– Кажется, удалось. Но не во благо они используют свои знания. Они подрывают Сеть.

Полине показалось это невероятным, но она вспомнила про молчащий с утра терминал. Не стоило, конечно, связывать это с признаниями профессора.

– Это они вас так напугали? С чего бы вы им понадобились?

– Они знают, что я могу их вычислить. Недавно мне предложили сотрудничать, а когда я попытался навести справки, вся информация о сотрудничестве исчезла.

– Это не обязательно киборги. Жулики какие-нибудь?

– Запросто, но я поймал их. Во время видеосвязи я прикинулся, что считаю на листке бумаги логарифмическое уравнение и что мне это очень нужно, и сделал так, чтобы оно попало на экран. Моему собеседнику хватило доли секунды, чтобы посмотреть на него и сказать решение. А вчера я почувствовал, что за мной следят. Не знаю, что им нужно, но люди, которые скрываются, не могут иметь хороших намерений. Им нужна моя работа и я.

– Вы хотите ее уничтожить, оставив только в моей памяти? – догадалась Полина.

– Да, свою четверку ты честно заслужила.

Профессор наконец-то разместил сложное оборудование, напоминающее гибрид высокотехнологичного оборудования и пыточных святой испанской инквизиции.

– Надо зафиксировать твои глаза напротив этих линз. Путь в мозг через глаза – самый короткий и самый чистый.

– Это не больно?

– Ну, может быть, пощиплет дня два, и все. Пробовал на себе.

Полину тронула тень сомнения. Азарт уже утих, кураж опасности рассеялся. Подбородок уперся в мягкую подушку, струбцины зафиксировали голову неподвижно с трех сторон.

– Смотри прямо. Сорванный поток информации будет дублироваться.

– Я смогу воспользоваться закачанными знаниями?

– Так, замри, включаю.

Глаза дрогнули от светового удара. Как информация записывалась на память, Полина не ощущала. Мягкий свет почти не раздражал глаз.

– А теперь можешь послушать, если интересно.

– Интересно, – не разжимая рта, ответила Полина.

– Я изобрел способ интерпретации машинного кода в понятный алгоритм работы мозга. Проще говоря, я научил мозг использовать программы. Я делаю программку на компьютере, перерабатываю ее в понятную для мозга форму и записываю.

– Зачем? – спросила Полина.

Все преимущества открытия ей не стали понятны так сразу.

– Затем, чтобы приобщить человека к быстрдействию и возможностям быстро прогрессирующего искусственного интеллекта. Ты же видишь, что мы здорово отстаем от него. Я вот, например, могу производить в уме действия с любыми числами, могу усилить зрение и слух, могу воспринимать больше тысячи кадров в секунду, а могу видеть в инфракрасном спектре и слышать ультразвук. Наш мозг – мощная вычислительная машина, и не грех использовать эти возможности.

– А я тоже смогу как вы? – Полина формулировала краткие вопросы, потому что говорить было неудобно.

– Надо будет учиться этому. На всякий случай лучше не афишировать твои способности, потому что это может привлечь тех людей, которые за мной охотятся.

– Почему вы не пошли в полицию?

– Как не пошел? Первым делом к ним. Попытался объяснить, но они меня подняли на смех. Кто у нас сейчас полиция? Такие же, как и все, уснувшие в комфорте детища Сети. Когда у нас случались преступления последний раз? – Блохин сделал паузу, чтобы Полина вспомнила. – То-то и оно, нет преступлений, и ненужный орган отсыхает за ненадобностью. Поэтому, прежде чем ты побежишь в полицию с рассказами о том, что тебя пытаются поймать киборги, попробуй не допустить этого.

– Я не удержусь, – честно призналась Полина.

– Это в твоих интересах. Если все обойдется, я бы хотел получить назад свой труд в целостности и сохранности.

– А если нет?

– Тогда... – профессор уставился в окно немигающим взглядом, – ты будешь вольна сама распоряжаться этими знаниями. Передай тем, кто сможет развить их и не обратить во вред обществу.

В ближайшие планы Полины не входили поиски коллег профессора Блохина. Сидя перед лампочками с зажатой головой, она вдруг подумала, что профессор банально съехал с катушек и весь этот театр с закачиванием знаний есть полная профанация, игра воспаленного воображения профессора. Полина замолчала, ей стало неинтересно и скучно. Риск оказался выдуманным, профессор – чокнутым, приключений не будет.

Прибор потух. Профессор бросился отсоединять трубки, удерживающие голову девушки. Полина подумала, что было бы, если бы кто-нибудь из знакомых застукал ее сидящей с винтами на голове. Тема для сплетен и насмешек на все время ее обучения. Ладно хоть четверка в зачетке грела душу.

– Громова, как там тебя, Полина... – вспомнил Блохин ее имя, – в твоих интересах не болтать об этом.

– Я поняла, Владимир Константинович, могу идти?

– Иди.

– Спасибо за оценку.

– Спасибо, что помогла мне.

На улице вся эта история с профессором показалась идиотской. Напоминанием было только пощипывание в глазах, как от времени, проведенного за книгой в течение целого дня. Полина решила не рассказывать об этом никому. Если диагноз подтвердится и все узнают, что Блохин чокнутый, а Полина участвовала в его сумасшедшем эксперименте, это может сильно навредить ее социальной карме, которая незримо хранилась в Сети и была составлена из мнений всех знающих Полину людей.

Домой идти не хотелось. День был погожий, и одолевало желание бродить. Ноги привели девушку в «Кармашки». Сеть фастфуда, убившего гамбургеры, колу и прочую нездоровую пищу, приводящую к ожирению. «Кармушка» – так ее называли студенты за неправильную транслитерацию в английском варианте – Karmushki. Этот смысл был даже более близок к правильному значению.

Сеть развилась благодаря пище для космонавтов. Вначале были начинки, аналогичные тем, что выдавливают из тубиков космонавты. Технология, создающая космическую еду, умела сохранять первозданный естественный вкус ингредиентов и витамины. Начинка помещалась в запеченный кармашек из теста, что и определило название сети закусовых. Прогресс не остановился на одних начинках. В «Кармашках» стали выпекать и само тесто в ваку-

уме. После этого новшества блюда начали напоминать съедобную губку, пропитанную вкусной начинкой, сохранив при этом фирменный облик.

Полина заказала кармашек с копченым мясом и зеленью, чтобы удовлетворить голод, кармашек с творогом и клубничным вареньем, чтобы получить удовольствие, и квас на черной смородине, который считала самым удачным из всех кармушкинских напитков. Место она заняла перед большим окном, за которым находился ярко-зеленый газон с клумбой посередине и стриженными кустами по периферии. На самом деле за окном был иной вид, а стекло являлось большим экраном, призванным добавлять посетителям положительных эмоций.

Принесли заказ. В ухе снова тренькнуло снятыми со счета деньгами. По социальной программе каждый студент мог рассчитывать на определенную сумму от государства, которую можно было потратить на минимальные потребности в пище, передвижении и получении платных дополнительных источников знаний. Купить билет в кино или игру на эти деньги было нельзя, а вот получить платную лекцию, доехать до универа или поесть в «Кармушке» – запросто.

Зубы вонзились в мягкое и ароматное тело кармашка. После прогулки аппетит сильно разыгрался. В ухе раздалась мелодия звонка, который Полина поставила на маму.

– Привет, мам! – Полина приняла звонок, посмотрев вправо.

– Привет, дочк. Сдала?

– Да, четверка, как и хотела. – Воспоминание об экзамене неприятно колыхнуло душу.

– Молодец! Когда домой приедешь?

– У меня еще два зачета и экзамен. Думаю, что через неделю.

– Хорошо, мы с отцом уже соскучились. Ему нечем заняться, ходит каждый день на речку лягушек смотреть. В лицо стал узнавать, имена раздал.

– Может, принцессу ищет?

– А найдет заразу какую-нибудь. В той речушке вода темная, не стерильная на вид и пахнет тиной.

– Не беспокойся, сейчас диагноз ставит унитаз в тот же миг.

– Слушай, Полин, а я все спросить у тебя хотела: раз унитазы ставят диагнозы, зачем нам врачи? Может быть, попробовать себя в другой профессии? Художником, например. Ты так красиво котиков в детстве рисовала. Зачем тебе конкурировать с унитазами?

– Мам, ну что ты придумываешь? Сейчас врачи занимаются больше изыскательской работой, ищут способы лечения, те же унитазы обучают меньше ошибаться.

– Ну ладно, ну ладно, как знаешь. Мы тебя ждем с отцом. Что приготовить?

– Пельменей хочу, со сметаной.

– Хорошо, сделаю заказ к твоему приезду. Пока, дочк.

– Пока, мам!

Картинка за окном сменилась уходящим вдаль альпийским лугом. Воздух в кафе наполнился горной свежестью и ароматом цветущих лугов. Легкий ветерок правдоподобно подделывал эффект открытой веранды.

«Тут аватары не нужны, обычная стенка в кафе может переместить тебя в любую точку мира», – Полина снова вспомнила про перспективы непосредственного симбиоза Сети и человека.

Второй кармашек и остатки кваса Полина употребила на автомате. Мысли переместились в сферу возможного будущего, когда грань между человеком и машиной начнет стираться. Как это будет выглядеть? Кем станут люди? Вымирание это человечества или, наоборот, следующий шаг на пути прогресса? Чокнутый профессор задал ей не очень приятное настроение на день. Мысли автоматически возвращались к той странной ситуации с экзаменом. О ней не хотелось думать и тем более анализировать, но мысли сами возникали в голове, чтобы нагрузить мозг размышлениями.

Полина встряхнулась. Поблагодарила персонал «Кармушки» и вышла на улицу. Чем занять остаток дня? Провалиться в комнате или сходить куда-нибудь? Полина выбрала второе. Она часто сравнивала себя с Кристиной, соседкой по комнате, полной своей противоположностью. Та никогда никуда не опаздывала, у нее везде был полный порядок: и в вещах, и в мыслях. Но свободное время она использовала странно. Полине казалось, что ее соседка произошла от ящериц или тритонов. Когда у Кристины не было никаких забот, она замирала на своей кровати, будто накапливая энергию. Ни в кино, ни в парк, ни на тусовку с пацанами ее нельзя было вытащить. Либо работа, либо анабиоз, другого не дано. Поэтому они не стали подругами. Жили два года в одной комнате, но почти не общались.

В парке было полно мамаш с детьми. Женщины выбирали его не только чтобы вывести своих детей на прогулку, по большей части они компенсировали недостаток общения. Они все держались стайками, оживленно беседовали, искоса присматривая за своими детьми. Со стороны наблюдать за этим было интересно. Иметь своих детей Полине пока не хотелось – и даже больше, передергивало от мысли, что она вдруг станет мамашей. Не созрела еще морально, не нагулялась.

Всех замужних женщин с детьми Полина относила к категории «тётек», независимо от возраста. Три «тётки», которые были к ней ближе всех, взалхлеб шушукались и поочередно оборачивались, ища глазами своих детей. Они напоминали ей пингвинов с детенышами. Полине стало интересно, о чем можно так увлеченно беседовать. Она напрягла слух, но при этом делала вид, что читает книгу.

Поначалу она разбирала только интонации, затем стала слышать отдельные слова, а потом разговор «тётек» стал настолько явственным, как будто Полина стояла рядом с ними. Эффект присутствия продлился меньше полминуты. Он развеялся словно от страха осознания необычности явления. Наваждение спало, и сколько Полина ни пыталась еще раз добиться такого эффекта, у нее не получилось. Разговора между мамами не было слышно абсолютно.

Чей-то малыш на электромобильчике ткнулся Полине в ногу бампером и вылупился на нее, ожидая ее реакции.

– Чеши отсюда, а то мамке расскажу, – предупредила его Полина. – Сдавай назад.

Мальчик улыбнулся. В его машинку врзалась маленькая девочка на трехколесном велосипеде. Малыш забыл про Полину и отвлекся на девочку, пытаясь теперь наехать на ее велосипед. Полина готова была подумать, что эффект суперслуха почудился ей, сам родился в ее уставшем от событий мозге. Не исключено, что Блохин мог скинуть ей в голову какую-нибудь гадость, вызывающую слуховую галлюцинацию.

Девушке показалось, что на сегодня ей достаточно событий. Внезапно навалилась усталость, захотелось быстрее попасть в свою комнату и просто лечь. Кристина ее поймет.

Глава 2

Отличное время – летние каникулы. Первую неделю наслаждаешься отдыхом и свободой, но на вторую становится уже скучно. Полина многое узнала про Игорька и Валерку и их общую подругу Варварку. Она не могла понять, как отец разбирает, кто из них кто. На ее взгляд, никаких отличий между Валеркой и Варваркой не было.

– Посиди с мое на берегу – и не такое увидишь. Я сбежал сюда от бесконечных маминых сериалов, вот уж где все одинаковое! Не поймешь, ты еще тот самый сериал смотришь или начался новый. Здесь, в природе, все разные, надо только присмотреться, остановиться, замереть и наблюдать. Вон Варварка, типичная вертихвостка, и этому свидание назначает, и этому, со всех пытается поиметь свою пользу.

– Па-а-ап, это же лягушки.

– Это мой сериал, и я его смотрю. Тут еще стрекозы две летали, тоже хотел за ними понаблюдать, но их быстро слопали, и сериал закрылся.

Родители Полины жили в деревне, в которой насчитывалась сотня дворов. Белые типовые домики о двух этажах расположились в четыре ровные улицы. Крестьянский быт имел лишь ту разницу с городским, что труд здесь был в основном сельскохозяйственный. Нужно было присматривать за оборудованием молочной фермы и уборочной техникой. Отец Полины, Юрий Громов, работал наладчиком механических узлов, проще говоря, слесарем. Сейчас он был на пенсии из-за того, что по неосторожности потерял палец, когда пытался починить косилку. Страховая фирма добавляла к его пенсии немного денег. Законодательство позволяло ему уйти на заслуженный отдых раньше обычного из-за травмы. Отец не преминул этим воспользоваться.

Мама Полины, Алла, до сих пор работала учителем в школе. Процесс обучения детей терпел значительные изменения по сравнению с классическим образованием прошлой эпохи. Как такового деления на классы не стало. Были начальные четыре класса, где всех учили одинаково, а потом включалась программа отбора по предпочтительным наклонностям. Ученик регулярно тестировался на выявление тех или иных способностей и соответственно получал свою программу. Стране нужны были специалисты, а не отличники.

Событие с профессором Блохиным постепенно затиралось в памяти. В другой обстановке оно уже казалось придуманным, сочиненным собственной памятью. Размеренная жизнь у родителей без собственной инициативы развивала комплекс ребенка: родители заботятся, родители защищают, а ты живешь в скорлупке, закрытой от проблем. Можно было забыть не то что про профессора Блохина и его чудные страхи, но и вообще про студенческую жизнь, если бы не неожиданные сюрпризы.

Ночью разыгралась гроза. Молнии сверкали друг за другом. Стены дома вибрировали под мощными раскатами грома. Полина находилась в спальне одна, и ей было страшно. Порывы ветра бросали громкие струи дождя в окна и молотили по жестяному отливу. Временами казалось, что это не капли бьются в стекло, а самый настоящий град. Полине с трудом удалось уснуть.

Разбудили ее ругательства отца. В темноте он ударился ногой о дверной косяк и теперь громко причитал. Гроза повредила трансформатор, и поэтому вся деревня оказалась в темноте. Отец пытался найти фонарь, чтобы запустить генератор в подвале. В спальне Полины царила полная темнота. Темное от туч небо создало густой непроницаемый мрак в доме.

– Пап, – прошептала Полина из спальни. – Я помогу тебе найти фонарь.

– Сиди там, не выходи, – ответил ей отец. – Еще ты расшибешься.

Полина не послушалась и спустила ноги с кровати. Она точно помнила расположение мебели в своей спальне: если пройти пять шагов вперед, то упруешься в стол, вдоль него можно дойти до шкафа, а там и дверь. Полина вышла в коридор. Отец все еще ругал дурацкие косяки.

– Я иду, – предупредила дочь.

– Неугомонная. – Отец принял ее помощь. – Осторожнее маши ногами, а то, как я, ударишься.

– Больно, пап?

– Да, кажется, палец сломал. Чувствую, как пухнет.

– Где фонарик лежит?

– На кухне, в ящике под духовкой. А-а-а, как больно!

– А аптечка у вас есть?

– Тоже на кухне, в крайнем от окна навесном шкафчике.

– Сиди здесь, я сейчас все сделаю сама.

– Осторожнее, Полин.

– Хорошо, пап.

Полина, держась за стенку, добралась до лестницы на первый этаж. Тьма была хоть глаза коли. Любой источник света сейчас бы не помешал. Дом был знаком всеми поворотами с детства, но как-то не по себе становилось от такой темноты. Полине даже показалось, что с первого этажа донесся шорох, прибавивший суеверного страха. Она встала на первую ступеньку, сделала еще шаг... Отмеряла шаги как в темную бездну. Не думала, что такое может случиться в родном доме. Ей очень захотелось разгрести тьму и разглядеть сквозь нее привычную обстановку родного дома. Полина напрягла зрение, как мышцу во время поднятия тяжести.

К ее удивлению, она увидела перила лестницы, едва проступающие сквозь мрак. Полина попробовала сильнее сконцентрироваться на мысли, что она может видеть во тьме, и еще сильнее напрягла глаза. Лестница открылась до самого низа. И мрак стал уже не черным, как антрацит, а серым, как плотный туман в предрассветных сумерках. Снова вспомнился профессор Блохин и его «пыточный» аппарат. Профессор точно оказался не чокнутым, просто гениальным. Полина смело устремилась вниз.

– Осторожнее! Не торопись! – крикнул отец, услышавший бодрый топот дочкиных ног.

Полина вошла на кухню. От холодильника с обратной стороны исходило легкое свечение. Остывающий двигатель еще отдавал тепло, видимое в инфракрасном спектре. Полина подошла к духовке, выдвинула ящик. В нем было темно и очень захламлено. Полина попробовала усилить эффект ночного зрения. У нее получилось – на кухне стало почти светло. Все виделось в черно-сером цвете, как на старой фотографии, но передвигаться в таком сумраке можно было смело.

Полина спустилась в подвал. Здесь было темнее. Она попробовала прибавить яркости. Сколько она ни тужилась, светлее не стало, только заболела голова. Ей хватало и того, что она могла видеть. Генератор завизжал стартером и затарахтел. Загорелся свет и больно ударил по глазам. Полина вскрикнула и зажмурилась. В глазах забегали радужные болезненные сполохи. Сквозь веки бил свет, и Полине пришлось прикрыть глаза руками.

– Полинка, что с тобой? – Отец услышал крик дочери и, не обращая внимания на хромоту, спустился в подвал. – Ударилась?

– Нет. Очень яркий свет.

– А чего у тебя кровь из носа? Ткнулась все-таки?

Полина почувствовала теплый ручеек под носом. Высунула язык и попробовала его на вкус. Железный, точно кровь.

– Пап, выключи свет, я глаза не могу открыть.

Отец выключил. Полина убрала руки и открыла глаза. Яркий шар лампочки остывал под потолком. Из кухни падал отсвет на лестницу в подвал. Глаза медленно возвращались к нор-

мальной светочувствительности. Кровь из носа была связана с тем, что Полина пользовалась особым зрением. Ничего не давалось просто так.

– Включай, – попросила Полина.

На этот раз все прошло гладко. Зрение быстро адаптировалось к яркости света. Прибежала мать и сразу принялась заботиться о дочери и о муже. Полине положили на переносицу лед в тряпке и то же самое – отцу на распухшую ступню.

– Я не пойму, как можно было так пострадать из-за какой-то ерунды? Отец теперь скакать будет целый месяц на одной ноге, ты нос расшибла. В чужом доме вы бы погибли уже без света. Пстой, Полин, а чего у тебя глаза такие красные?

Мать пристально посмотрела в глаза дочери.

– От удара, что ли? – предположила она.

– Наверное, мам, ерунда, сейчас пройдет, – проговорила Полина, не убирая холодный мешочек от переносицы.

– Беда с вами, – снисходительно произнесла мать. – Как дети неосторожные.

Полине было не до нравоучений матери. Все это была ерунда по сравнению с тем, что она поняла, какие горизонты перед ней открывают возможности, закачанные профессором Блохиным. Нет, он определенно гений. Он был прав, мозг такой же вычислитель, как и компьютер. К черту установленные естественным отбором функции организма, слабое зрение, плохой слух и медленные вычисления! Наш мозг способен на многое, просто ему нужна правильная программа.

В сильном волнении Полина отправилась досыпать оставшиеся ночные часы. Сон не шел. Хотелось узнать, на что еще она способна, какие возможности перекачал ей в память профессор Блохин. Лишь под утро с помощью медитации ей удалось уснуть.

– Полинка! – раздался снизу голос матери. – Хватит дрыхнуть. Завтрак стынет.

Наступило утро. В спальню потянуло сдобной выпечкой. Откинув обеими ногами одеяло, Полина вскочила с кровати. Приятные ощущения новизны и перемен дарили хорошее настроение. Полина, перескакивая через ступеньки, влетела на кухню.

Отец уже сидел за столом. Нога в перевязи покоилась на соседнем стуле. Он жевал булочку, одним глазом косясь в свой мобильный терминал.

– Всем привет! Как нога? – спросила Полина, усаживаясь на свое место.

– Перелом пальца. Сделали обезболивание, но опускать ногу все равно больно. Ломит.

Мать вздохнула и послала дочери взгляд: «У него всегда так». Отец уловил его.

– В следующий раз сама пойдешь генератор заводить.

– Хорошо. Тогда фонарь у меня будет лежать в прикроватной тумбочке.

– Вот, кстати, про фонарь. – Отец даже опустил ногу со стула, но потом зашипел от боли. – Полин, а ты что, без фонарика в подвал спустилась? Я смотрю, он на месте лежит.

– Ага, на ощупь добралась.

– Учись у дочери, отец.

– Как же ты нащупала кнопку-то? – не унимался отец.

– Так и нащупала, головой приложилась немного, – ответила за Полину мать. – Не болит голова-то? Не тошнит?

– Все нормально.

– Слыхали? – Отец переключился на новости из терминала. – Вирус какой-то в Сеть попал. То там напакостит, то сям. Не пойму, как это может произойти, весь доступ в Сеть через идентификацию ДНК. Видно, кто что выложил, что скачал. Сеть сама чудит, поди? Столько информации, что пора бы уже и запутаться. Что скажешь, студентка?

– Не по профилю вопрос. Вот наш профессор Блохин считает, что есть некие люди, научившиеся делать из себя киборгов, что им якобы доступна Сеть изнутри. Они не просто

пользуются ее услугами, они находятся в ней, общаются на одном языке. Не удивлюсь, что, если это правда, то им не нужна никакая идентификация ДНК для входа.

Мать этот разговор совсем не заинтересовал. Отец немного покачал головой, как будто взвешивая сказанное.

– Не, не может быть. Фантастика какая-то. А как, ты сказала, зовут вашего профессора? – Отец полистал в терминале, что-то ища.

– Блохин, а что?

– О! Нашел! Таинственное исчезновение профессора нейробиологии Блохина... ага-ага, так-так-так. – Отец бегал глазами по тексту. – Ни камеры видеонаблюдения, ни сканеры сетчатки глаза, ни сканеры ДНК не зафиксировали передвижения профессора после того, как он вернулся домой после работы. На работу он не вышел, соседи ничего не слышали, а профессора дома нет.

– Постой, а это не тот Блохин, которому ты сдавала экзамен? – спросила мать, вытирая со стола крошки.

Полина еле удержалась на стуле. Профессор предупреждал об опасности, но чтобы о такой, как похищение... Дочь изменилась в лице, и мать это заметила.

– Что с тобой, Полин?

– Да, мам, это тот профессор, которому я сдавала экзамен. Это он говорил про киборгов.

– Да как сейчас можно исчезнуть? Даже в Сибири не потеряешься, всюду датчики, сканеры, камеры... Чудит, поди, ваш профессор.

– Да, под кроватью спрятался или в шкафу с двойной стенкой сидит. Он нормальный у вас? – спросил отец.

– Странный немного, это есть, но зачем ему прятаться?

– Ладно, найдут вашего профессора. Чего ты так близко приняла-то, аж в лице изменилась? – удивился отец.

– Да, так, говорил он мне кое-что про это на экзамене. Переживал, что за ним кто-то следит.

– Полин, да выжил он из ума уже. Мания преследования, вот и спрятался.

Полина прикинула в голове, что такой вариант не исключен. Версия с похищением и впрямь казалась очень фантастической. Сеть следила за человеком везде. Нельзя было шагу ступить, чтобы не отметить в ее памяти. После некоторого размышления Полина успокоилась.

– Чем займемся сегодня? – спросила она родителей, беззаботно откинувшись на спинку стула.

– На речку я теперь не ходок, а то можно было бы... – начал отец.

– Бр-р-р, – Полину передернуло, – хватит с меня твоих Игорьков, Валерок и Варварок. Мам, может, прошвырнемся по магазинам?

Магазины – это интерактивные витрины. В них не было ничего настоящего. Полина и ее мама, проходя мимо витрин с одеждой, любовались в них своими отражениями, одетыми в модные вещи. Стоило сбавить шаг, как над головой отражения появлялся ценник и время доставки изготовленной под ваши особенности строения тела вещи.

Времена неконтролируемого производства и «впаривания» товара любой ценой прошли. Прогресс ступил на следующий шаг эволюции товарно-денежных отношений, выбрав баланс между потребностями людей и гуманным отношением к природным ресурсам. Качество изготовления улучшилось, время пользования вещами увеличилось.

К одежде это не имело прямого отношения. Женщины так и остались женщинами. Но вот бытовая электроника отличалась огромным запасом прочности. Все, что подключалось к Сети (а подключалось к ней почти все, что питалось от электричества), тянуло деньги с хозяев, пока работало. За холодильник не нужно было платить сразу всю сумму в магазине. Подключо-

чившись к Сети, он посылал сигнал о собственной исправности, и фирме-производителю регулярно падала сумма за его использование. Естественно, такая фирма была заинтересована в том, чтобы сумма капала как можно дольше. Если холодильник ломался, денежный ручеек, соответственно, останавливался.

Шопинг отвлек Полину от мыслей о профессоре. Они с мамой увлеченно примеряли одежду, обувь, прикидывали на плечи сумочки. Выпили вкусного кофе глясе, съели по кармашку, вспомнили, как Полина с бантами и с плюшевым зайцем в руках совсем недавно каталась на паровозе по магазину. Мелюзга, занявшая ее место в пестрых вагончиках, разглядывала Полину снизу вверх, улыбалась ей, махала любимыми игрушками. Время летело незаметно, неотвратно, и становилось грустно, что нельзя вернуться в какой-то момент из прошлого и попробовать насладиться им еще раз.

Полина с мамой не заметили, как пролетело время, пока не позвонил отец.

– Домой собираетесь? Уже темнеет, – сообщил он.

В стенах магазина, не имевших окон, время суток всегда было одним и тем же. В руках у Полины была дыня килограмма на три, у мамы – пакет с запасом еды на пару дней. Они взяли тележку, убрали в нее покупки и покатали на стоянку. Магазин находился в двадцати километрах от деревни, в райцентре. Оказаться дома они должны были затемно.

До выхода из магазина оставалось совсем немного. Витрины все так же услужливо одевали их в наряды, заманивали потратить деньги. Полина смотрела на себя, одетую в курточку и шапку, которую никогда бы не купила... Вдруг изображение дрогнуло, разбилось на квадратики, пошло кляксами. В магазине заморгал свет, а потом потух окончательно. Несколько секунд было тихо, а потом раздались вопросительные детские голоса.

– Мам, это конец света? – спросил тонкий девчачий голосок.

– Мама-а-а, ты где-е-е? – запищал потерянный ребенок.

– Я здесь, малыш.

– Темно как! Куда идти, где выход?

– Опять свет отключили. На улице что, снова гроза?

– Ничего нормально сделать не могут. Где аварийное освещение?

В ответ на вопрос загорелся свет, но слабо, вполнакала, он продержался несколько секунд и снова отключился. Полина запомнила направление к выходу.

– Мам, держись за тележку, я тебя доведу.

Она попробовала снова повернуть тот же фокус, что и прошлой ночью. Вначале надо было поверить, что это возможно, а потом приказать себе включить инфракрасное видение. Глаза напряглись. Тьма посерела. Фигуры людей, беспорядочно передвигающиеся, словно призраки, проступили из нее.

– Поехали, – шепотом сказала Полина.

– А ты видишь куда?

– Запомнила.

– Детишек не передадим?

– Не переживай, пообедем. У меня молодое зоркое зрение.

– Помнится, отец тоже хвалился крепкими костями.

Еще не остывшие экраны витрин, лампы под потолком, человеческие тела светились в темноте теплом. Это было так забавно и впечатляюще. Еще бы, никто, кроме Полины, не мог этого видеть. Ее тележка ловко объезжала людей, выставивших перед собой руки, боявшихся удариться о стену или другого человека. Они с мамой быстро достигли выхода. Но здесь их ждал сюрприз – двери не открывались. Механизм не работал без электричества.

– Конец цивилизации, – вырвалось у Полины.

Под носом снова стало мокнуть. Полина приложила палец и почувствовала выступившую кровь.

– Мам, у тебя есть платочек? – попросила дочь.
– Есть, зачем тебе? – Мать протянула носовой платочек.
– Кровь носом пошла.
– Опять? Полин, почему так часто? Ты не заболела?
– Ма-а-ам, ты бы уже знала, если бы со мной было что-то не так. Это из-за темноты. Я напрягаю зрение, видать, от усилий и идет кровь.
– Зачем его напрягать, дочк, один черт ничего не увидишь.
– Это ты так думаешь, – не удержалась Полина.
– Что, хочешь сказать, что ты что-то видишь в этом мраке?
– Представь себе, вижу. Подними левую руку.
– Зачем? – не поняла мать.
– Подними и сделай шаг влево. Ты упрешься в гнома, который раздает рекламу на входе. Мать решила проверить ребенка. Никому не понравится, когда твои дети привирают. Ее рука уперлась в гнома.

– Ты помнила, что он здесь стоял.
– Хорошо. Сзади тебя, за спиной, стоит пустая тележка.
Мать развернулась и, выставив руки вперед, сделала несколько шагов. Руки ее были протянуты выше уровня тележки, и она с ходу налетела на нее. Раздался шум и ругательства.
– Куда мне теперь? – спросила мать, дезориентированная в темноте.
– Стой там, я возьму тебя за руку.
Полина подошла к матери и подвела ее к выходу.
– Полин, ты как летучая мышь. У тебя эхолокация?
– Нет, мам, инфракрасное зрение. Но ты подсказала мне идею. Надо проверить.
– Что это значит? Этому вас в университете учат? – наивно предположила мать.
– Почти. Ладно, проехали. – Полина отпустила улучшенное зрение, и непроглядная тьма снова окутала пространство вокруг.

Заморгал свет. Зажглось аварийное освещение. Двери плавно разошлись в стороны. Народ, щурясь, направился к выходу. Полина с мамой оказались впереди всех и первыми вышли на улицу. В поселке было темно. Только лампа над входом в магазин освещала небольшим пятном пространство вокруг. Стоянка автомобилей скрывалась в темноте.

– Я думала, на дворе снова гроза, а тут тихо, звезды светят, – удивилась мама. – Почему выключился свет?

Полина снова вспомнила разговор с Блохиным, помусолила его немного в голове и снова убрала в дальние закоулки памяти. Слишком невероятно. Киборги, анонимное пользование Сетью – все это звучало как новая теория заговора.

– Сбой какой-то. Я думаю, что это последствия вчерашней грозы, – Полина сделала более правдоподобное предположение.

Они подошли к стоянке и выбрали себе двухместный автомобиль с вместительным багажником. Такие машинки, как правило, чаще попадались возле больших магазинов. Их и проектировали как хозяйственные сумки на колесах. Полина взялась за ручку двери. Она не шелохнулась.

– Черт, у машин нет выхода в Сеть без света.
– А как же нам домой попасть? Отец там уже волнуется.
– Так, так, помнится, нас инструктировали в универе, что машины могут передвигаться автономно. Осталось вспомнить, как попасть внутрь. – Полина почесала затылок.

Ее память, вливая по закоулкам мозга, наткнулась на информацию, перекачанную профессором Блохиным. Помимо формул, алгоритмов и прочих, свойственных искусственному разуму способов обработки информации, там имелись и общие знания в быстро доступной форме, интерпретированные в личный опыт. Полина, не отдавая себе полного отчета в том,

что она не может этого знать, произвела следующие манипуляции. Потянула ручку открывания двери до тех пор, пока не засветилась информационная панель в автомобиле. После этого она приложила руку, той частью, где был вшит идентификационный чип, в район нижней кромки лобового стекла, за которым изнутри светился слабый красный огонек. Огонек замигал и загорелся зеленым. Одновременно щелкнули замки открывания дверей.

– Готово! – Полина открыла дверь. Она была уверена, что воспользовалась новыми знаниями.

Мать удивленно посмотрела на нее, но ничего не сказала. Молодежь всегда лучше разбиралась в технике. Она подкатила тележку к багажнику и переложила продукты. Народ бестолково сутился возле машин, приученный Сетью только к одному варианту ее открытия. Они проводили взглядами единственный автомобиль, покинувший стоянку.

Машина до выезда из поселка пропетляла по непривычно темным улицам. Дороги были пусты. Создавалось ощущение покинутости, безжизненности поселка. Лишь однажды им попался молодой отец, тащивший одного ребенка на руках, а второго за руку. Полина и мама одновременно подумали о том, что понятия не имеют, как найти ребенка без Сети, тем более в такой непроглядной ночи.

Машина выехала на трассу. Перед ними проскочил грузовик, и больше никого не было. Ни один способ получения развлекательной информации в машине не работал. Тишина была непривычной. Она усугубляла ощущение тревожности, предчувствия каких-то неблагоприятных перемен. Будто бы с отключением электричества весь мир стал другим, не созданным для человека. Люди привыкли к своей скорлупке из технологий. Вне скорлупы мир казался опасным.

За спиной вспыхнули огни поселка, и тут же в машине включился развлекательный канал. Все сразу встало на свои места. Тревожные мысли растворились в музыке, льющей из динамиков. У матери сработала связь.

– Едем, к дому подъезжаем. В поселке свет вырубился... Не, грозы не было, а у вас? Понятно. Через пять минут будем, пока. – Мама повернулась к Полине. – У них тоже света не было и грозы. Чудеса.

Полина проснулась рано. Ей хотелось скорее испытать свои новые возможности. Она нашла в Сети задачи для математиков и попробовала решить их. Поначалу ей не удавалось. Не так-то просто было понять, как это делается, какой запрос отправить в мозг, чтобы он активировал правильную программу. Для Полины все эти формулы на экране были просто абракадаброй, поэтому она решила начать с легких примеров сложения и вычитания трехзначных чисел. Тут мозг сразу понял, что от него требуется, и без проблем решал примеры.

Стоило Полине глянуть на столбики цифр, как ответ уже был готов, и она чувствовала, что это правильный ответ, как будто самостоятельно совершила все арифметические действия. Полина усложнила задачу, применила умножение и деление. Это никак не повлияло на скорость подсчета – ответ выдавался мгновенно. Тогда она попыталась решить простые уравнения. Снова тот же результат. Правда, проявился побочный эффект – начала болеть голова. Через два часа она стала раскалываться, и в первое же посещение туалета ей сообщили, что нужно отдохнуть, так как поднялось внутричерепное давление. Любопытство подстегивало проверить еще какую-нибудь новую способность, но Полине не хотелось с младых лет получить инсульт. Хотя последствия его хорошо лечились.

После таблетки обезболивающего Полина отправилась погулять по окрестностям. Отец хотел пойти с ней и свернуть к реке, но компаньон из него сейчас был неважный, и вообще, Полине хотелось побыть одной. Она чувствовала, как становится другим человеком, и ей нужно было подумать, как к этому правильно отнестись и как наилучшим образом распорядиться новыми возможностями. Основной вопрос, который она хотела решить для себя: афи-

шировать или нет перед родителями свои способности. Что, если Блохин прав и это может навредить ей и ее семье? Полина решила пока не посвящать родителей в свою тайну.

Ветер приносил с полей запах разнотравья. Если закрыть глаза и вдыхать этот аромат, то можно представить, что плывешь в океане из запахов и звуков насекомых, птиц и ветра. Большой жук басовито пробарражировал на уровне головы. Мошкара зазвенела над луговыми цветами. Оса закружилась над головой, приняв яркую заколку за настоящий цветок. Высоко в небе, резкими отрывистыми возгласами, закричал кобчик. Не иначе как решил погонять воробьев.

Полина подняла голову и увидела высоко в небе две точки. Одна из них точно принадлежала хищной птице. Кажется, кобчик решил полакомиться голубем. Несчастливая птица выполняла фигуры высшего пилотажа, только чтобы не попасться на обед. Кобчик, ломая крылья, резкими маневрами пытался сесть на хвост голубю. Полине стало интересно разглядеть воздушный бой в деталях. Она прикрыла ладонью глаза, чтобы не слепнуть. Схватка была высоко. Снова, как прошлой ночью, глаза напряглись, но вместо инфракрасного зрения Полина почувствовала, что картинка стала приближаться – вначале немного, словно протестировала новую способность, потом смелее. Кобчик и голубь теперь были видны как птицы, а не как точки. Еще сильнее... Картинка из-за сильного приближения задергалась в такт пульсу. У кобчика можно было рассмотреть цвет оперения.

Схватка птиц постоянно выпадала из поля зрения. Двигать глазами нужно было осторожно, филигранно, как инструментом с тонкой настройкой. Этому еще предстояло научиться. Голубь полетел к земле по спирали, как будто вошел в штопор. Кобчик настигал его и почти настиг. Голубь, наверное, уже почувствовал затылком победный крик хищной птицы, но не испугался и со всего маха ввинтился в кусты орешника. Кобчик влетел следом, но ударился о ветви и упал на землю. Голубь спасся.

Полина видела все, как будто это было снято на камеру для передачи про животных с очень близкого расстояния. Еще одной обнаруженной у себя способностью стало больше. Голова снова разболелась. На сегодня экспериментов с собственным мозгом было достаточно. Полине стало интересно узнать, была ли в этой свалке возможностей способность, влияющая на физическую силу или выносливость. Хотелось стать не просто интеллектуалом с высоким быстродействием мозга, но и иметь пропорциональные этому физические способности.

До дома она решила пробежаться, представляя, как это делает гепард, антилопа или страус, на худой конец. Никакая из воображаемых картинок никак не повлияла на скорость бега или усталость. Полина быстро выдохлась, едва осилив один километр. Природу не обманешь: если не тренировать тело, то никакими программами в голове этого не исправить. С другой стороны, можно было как-нибудь проверить организм на выделение гормонов и веществ, влияющих на скорость химических реакций в клетке. Не воспринимал же профессор Блохин человека однобоко, как биологический компьютер, сидящий на месте и вычисляющий результаты? Сила и выносливость не так прямо, как зрение и слух, но все же зависели от работы мозга. В стрессовых ситуациях люди способны на многое. Важно было понять, как правильно приказать мозгу включить нужный рычаг – к примеру, выработку АТФ в большем количестве, чем обычно.

Не всё сразу, Полина это понимала. Организм и так с трудом переваривал непривычные нагрузки, что могло привести к плачевным последствиям. Сеть могла заметить, что с девушкой творится что-то неладное, и упечь ее в больницу для глобальной проверки. Если причины изменений в организме для Сети станут непонятны, то недолго попасть под карантин до выяснения причин. Полине не хотелось кому бы то ни было признаваться в своих новых способностях. Душу грела мысль, что она является уникальным человеком, в чем-то лучше других. Это было эгоистично, немного подло по отношению к другим людям, не меньше ее заслуживающих

право обладать необычными способностями. Но быть немного читером, когда другие играют как умеют, так приятно.

Головная боль прошла сама собой. Подъем сил и торжественная приподнятость духа, которая обычно бывает у людей, носителей важной тайны, придавали оптимизма, который, в свою очередь, обладал доказанными научными лечебными свойствами. К дому она подошла вприпрыжку. Отец сидел в кресле на веранде. Упрятанная в повязку ступня покоилась на стуле.

– Я бы тоже хотел так скакать, – позавидовал он дочери. – Где была, что видела?

– Да так, природой любовалась. От города отдыхала. Как нога?

– Побаливает. – Отец пошевелил ею. – А-а-а!

– Давай съездим в больницу в поселок. Там тебе наложат нормальную повязку с восстанавливающим составом. Три дня, и будет лучше прежней.

– Не надо, сама заживет. Не люблю я эти больницы, чувствую себя там как черт в церкви.

– Поэтому и отправил меня на врача учиться, чтоб я тебя дома лечила?

– Если бы я решал, кем ты должна стать, чтобы мне польза была, то я бы отправил тебя учиться на повара. Надоела мне эта заказная еда. Так хочется чего-нибудь приготовленного руками, с другим, нормальным, вкусом.

– Фу-у, ужас! – Полина представила свою судьбу, если бы выбрала профессию повара. – Ни за что!

И гордо прошла мимо отца.

Минув месяц каникул. Полина незаметно для семьи совершенствовала свои способности. Мозг тренировался, как и любой человеческий орган, привыкал к нагрузкам. Скорость доступа к нужному умению ускорилась. Полина стала чувствовать, какую мысль послать, чтобы получить мгновенный отклик. Теперь ей хотелось использовать одновременно несколько сверхспособностей, но, кажется, алгоритм выбора являлся однозадачным. Когда она пыталась прибавить слух, уходило орлиное зрение. Когда быстро считала в уме – все остальное отключалось. Очень хотелось пообщаться на эту тему с Блохиным, но он так и не объявился.

Было ли это похищение или просто старый чудака решил исчезнуть, применив свои знания, оставалось неясным. Если он был прав, то этот мир являлся не настолько безопасным, как все считали. Однажды Полина попробовала рассчитать в уме вероятность того, что случилось с профессором. Она выписала на листок все факты, указывающие прямо и косвенно на то, о чем он предупреждал. Его собственные опасения насчет неких киборгов, отключения света, участившиеся в последнее время неполадки в Сети... Девушка чувствовала, что у нее есть аналитическая программа, способная просчитывать вероятности. Подспудно она ею пользовалась, но по-бытовому, и это выглядело как обычные догадки.

Полина обдумала каждый факт, прочувствовала его и задалась целью высчитать вероятность. Спустя несколько секунд задумчивости в голове появился образ, какой обычно случается при озарениях. Ясная мысль, как долго ускользающая догадка, наконец-то позволила Полине открыть тайну. Профессор был похищен. Каким бы он ни был гением, повернуть такое в одиночку невозможно. Если только он сам не являлся членом той мифической организации, о которой предупреждал. Тут аналитическая программа давала минимальную вероятность. Стало быть, мировой порядок не так безопасен и стабилен, как в это хотелось верить.

Полине представлялось, что некая группа ученых, вечных нонконформистов, которые обязательно водятся в любом социуме, решили избавить людей от полной зависимости от Сети. По идее, немного иной взгляд на эту зависимость человечеству не помешал бы. Люди и так превратились в спящих мух, лениво проживающих жизнь в безопасной среде. Растряссти их, показать жизнь с другой стороны – опасной, но более увлекательной и полной – было благим делом. Нужна была только красная линия, дальше которой заступать не рекомендовалось, чтобы не начался неуправляемый хаос. Полина подумала, что нужно было усилить колонизацию Луны и Марса. Там жизнь намного опаснее, и колонизаторы, вернувшиеся на Землю, могли бы создать

у людей ореол героизма и желания подражать. Войны, криминал, сомнительные проекты были не нужны. Полина помнила из истории о миллионах жертв и потерянных поколениях. Колонизация планет, строительство космических станций были тем самым делом, которое могло дать замершему социуму новый толчок и желание развиваться.

Если организация, похитившая Блохина, мечтала о чем-то таком, то Полина желала им успехов. Если они действовали из разрушительных мотивов, более соблазнительных и легких на первый взгляд, то Полина надеялась, что им не повезет и Сеть быстро вычислит их и накажет. Лунные пещеры как нельзя лучше подходили для этого. Больше хотелось верить в первый вариант. Молодость всегда окрыляла на великие дела. Полина верила, что к ее возвращению в университет Блохин уже будет там. Вездесущая Сеть должна была найти его местонахождение с помощью миллиардов сенсоров и бесконечных вычислительных способностей.

Когда отец снова смог нормально ходить, Полина отправилась с ним на речку, к соскучившимся по ее родителю Валерке, Игорьку и Варварке. Отец сразу признал лягушек.

– Вон Варварка сидит, щеки наела, вон Валерка. Эх, а головастика-то сколько наплодили. Где ж я им всем имен наберу?

Битый час они сидели на берегу, и все это время отец восторгался лягушачьим миром. Полина не говорила ему, что он уже несколько раз разных лягушек называл Варварками, а одну и ту же – разными именами. Полине были заметны самые минимальные отличия в окраске земноводных. Месяц назад все лягушки казались ей на одно лицо, но теперь она видела, насколько они были не похожи между собой. Полине показалось, что она пришла сюда не с отцом, а с ребенком, который впервые попал на природу. У реки было хорошо и спокойно.

Глава 3

Лето закончилось, и пришла пора снова отправляться грызть гранит науки в город. Кристина уже была в комнате. Лежала на кровати и собирала энергию для дальнейшей учебы.

– Приехала? – спросила она для проформы.

– Приехала, – так же нейтрально ответила Полина. – Отдохнула?

– Ага.

И весь диалог. За два года девушки не научились понимать друг друга и предпочитали минимальное общение. Полина попросила большой настольный экран терминала показать ей расписание занятий на первую неделю. Учебный год начинался с новых предметов. Теперь они были профильными и относились конкретно к выбранной профессии. Ей было интересно, как новые способности скажутся на постижении наук. Вот сокурсники удивятся, если Полина неожиданно станет вундеркиндом на третий год учебы!

Она одернула себя. Нельзя так бездумно гнать с места в карьер. Кто-то всевидящий знает, что ничего просто так не появляется. Начнутся проверки, которые обязательно приведут к загадке исчезновения профессора Блохина, но желание выделиться так и рвалось наружу. Стремление показать всем, какой она стала умной, распирало Полину. «Надо быть сильнее своих желаний, – решила Полина. – Пользоваться ими осторожно, только для собственного удобства».

В первый же день поставили в расписание четыре пары сразу. Они измотали отвыкших за лето студентов. Перед возвращением в общежитие Полина решила зайти в «Кармушку». Привычный смородиновый квас добавил тонуса, а кармашек с ежевичным вареньем утолил голод и подарил вкусовым рецепторам порцию гастрономического наслаждения. Полина вышла из кафе с чувством легкой эйфории, получив дозу эндорфинов от вкусного обеда. Сентябрьское солнце нагревало темную одежду, но атмосфера уже становилась прохладной. Она любила это время года за то, что воздух казался чище и приятнее, за то, что природа отмаялась от летней жары и облегченно вздохнула, готовясь к зимней спячке.

Полина было направилась в сторону остановки общественного транспорта, как ей донеслось в спину:

– Громова Полина?

Еще не обернувшись, девушка почувствовала неприятный холодок. Никто в современном мире так не делал. Полина обернулась. Перед ней стоял мужчина лет сорока. Возраст выдавал только пронизывающий взгляд, лишенный молодой взбалмошности. От него исходило ощущение власти.

– Да, – растерялась Полина. – Вы кто?

– Я из полиции. Моя фамилия Смирнов, и я расследую исчезновение профессора Блохина. Могу я задать вам несколько вопросов? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Вы были у него на экзамене незадолго до того дня, когда он исчез?

– Была, – призналась Полина.

– Что сдавали?

– Нейробиологию. – Вопрос показался Полине не к месту, и она попыталась немного подстегнуть свои способности в области аналитики.

Она догадалась, что из нее попробуют вытянуть что-нибудь, чего не стоит рассказывать. Из-за легкого волнения способности плохо срабатывали. Полицейский предложил сесть на скамью.

– Вы не заметили что-нибудь необычное в поведении профессора Блохина? – Полицейский впился взглядом в лицо Полины, как клещ. От него стало не по себе.

– Он всегда немного странный. Его поведение варьируется в более широких рамках, чем принято у обычных людей. Не могли бы вы подробнее рассказать о том, что вас интересует?

Полицейский приподнял бровь. Он рассчитывал, что вопросы будет задавать только он.

– Страх, неуверенность, подозрительность.

Полина сделала вид, что пытается припомнить. На самом деле она задумалась о том, рассказать ли полицейскому о стуле, которым профессор заблокировал дверь. Аналитические способности просчитали цепочки вариантов и подсказали, что лучше это сделать.

– Он заблокировал дверь стулом. Как будто боялся, что кто-то может помешать нам провести экзамен.

– Так, хорошо, еще что-нибудь не припоминаешь?

– Нет, не припоминаю.

– Ты была на экзамене гораздо дольше остальных студентов, не расскажешь почему?

Полина вспомнила, что профессор поставил ей оценку почти в самом начале, значит, полицейский знает, что она задержалась в кабинете профессора после экзамена.

– Я быстро ответила ему, и мы просто разговаривали о предмете. Ему хотелось найти свободные уши, чтобы рассказать о волнующем его будущем нейробиологии.

По лицу полицейского стало понятно, что ловушка сорвалась.

– Не припомнишь деталей разговора?

– Я на самом деле больше делала вид, что мне интересно, мыслями я была уже на каникулах.

Полицейский резко встал.

– Хорошо, Громова Полина, ваши показания будут использованы при расследовании похищения профессора Блохина. Спасибо за сотрудничество. – Он протянул Полине руку.

Ладони девушки вспотели от напряжения и беспокойства. Проскочила мысль, что полицейский не просто хочет попрощаться за руку, но и проверить ее потные ладошки, которые могут выдать эмоциональное напряжение, скрываемое лицом. Полина не стала давать свою руку. Усмехнулась протянутой руке, будто неуместному жесту, и помахала на прощание. Полицейский тоже усмехнулся, в его взгляде проскочило уважение, и он убрал руку.

– Если вспомнишь что-нибудь интересное, передавай мне. – Полицейский протянул визитку. – Я доступен двадцать четыре часа в день.

– Пока. – Полина взяла визитку, развернулась и зашагала в сторону остановки.

Полицейский задержался, глядя ей в спину. По виду обычная девчонка, но как-то умело она обошла его ловушки. Полицейский еще немного постоял, развернулся и пошел к служебному автомобилю. Невидимая паутина, ничем не отличающаяся от тех, что летели по воздуху в это время года, как будто бы нечаянно прицепившаяся к скамейке, где сидели Полина и полицейский, блеснула слабым синеватым пламенем и исчезла, не оставив после себя ни дыма, ни золы.

* * *

Кристина проявляла непривычную для этого времени суток активность. Сосредоточенно ковырялась в своем чемодане, несколько раз заглядывала под кровать, ворошила на ней постель.

– Ищешь вчерашний день? – поддразнила ее Полина.

– Какой вчерашний день. Блузку потеряла. Меня сегодня на вечеринку пригласили, а я потеряла ее. Куда она делась? – Кристина снова упала под кровать. – Не видела, Полин, розовую такую?

Доли секунды хватило Полине, чтобы воспроизвести в памяти события вчерашнего вечера. Кристина вчера перед сном гладила свои вещи и развешивала в гардеробе. Среди

них была и розовая блузка. Из-за дефицита вешалок она вешала по несколько вещей на одну вешалку. Полина откатила створку гардероба и стала перебирать вещи Кристины. Среди них мелькнула розовая ткань.

– Она здесь. – Полина бросила вешалку со всей одеждой на кровать девушки.

– Твою мать! – удивилась Кристина. – Я сто раз смотрела и не могла найти. Подумала, что дома оставила. Спасибо, Полин.

– Не за что, – устало ответила Полина и отправилась в душ.

Осадок от разговора с полицейским остался. Она вспомнила все детали разговора и особенно взгляд полицейского. Он как будто был уверен, что Полина знает больше, чем говорит. Может быть, это вообще стиль поведения следователей, психологический прием, оказывающий на подозреваемого определенный эффект. Хотелось в это верить. Ей ни к чему были проблемы с законом. Полина всегда считала себя законопослушной и никогда бы не встала на сторону преступников. Подозрение полицейского ставило ее как раз на сторону противников закона. От этого и возникало неприятное чувство.

Тугие струи воды помассировали голову и разогнали тяжелые мысли. Из душа Полина вышла большей оптимисткой, чем зашла.

– Как день прошел? – Кристина, благодарная за блузку, снизошла до проявления интереса.

– Нормально. В первый же день четыре пары, тяжеловато. На какую вечеринку собралась?

– Мы, те, кому исполнилось по двадцать одному году, решили устроить алкогольную вечеринку. Прикинь, мне теперь можно. Говорят, что от алкоголя такая эйфория, весело, хочется танцевать. Тебе когда двадцать один? – Кристина спрашивала, одновременно подкрашивая ресницы.

– Через полтора года. Но я уже пила пиво. Отец два раза угощал, – призналась Полина.

– Нормально, и как же ты обманула унитаза? – удивилась Кристина. – Родителей оштрафовали?

– Нет, ты что, я же деревенская. В кусты бегала.

– И как?

– Так же, как на унитаза, только прикольнее.

– Да нет, я про ощущения от пива.

– А, понятно! – усмехнулась Полина. – Танцевать не тянуло. Мы с отцом мяч гоняли на задах. Было весело.

– Я волнуюсь. Говорят, можно перебраться с непривычки и отрубиться.

– У меня такого не было. Отец сказал: «Одну кружку», значит, одну кружку.

Это было хорошо, что Кристина уходила. Полине хотелось остаться в тишине, сосредоточиться и немного потренироваться. Вообще, тренировки со способностями стали второй натурой Полины. Она мимоходом вычитывала текст на рекламных плакатах за три квартала от нее, слушала разговоры людей на противоположной стороне улицы или за стенкой. Выделяла в толпе прохожих с высокой температурой и помогла однажды человеку, которому стало плохо, до приезда скорой помощи. Замечала причинно-следственные связи, которые раньше ни за что не увязала бы между собой. Например, процент типов транспортных средств в зависимости от места и времени суток. То, что раньше казалось хаотичным, на самом деле имело порядок. Еще Полина стала больше понимать человеческие эмоции. Искренность и ложь были для нее так же понятны, как будто ее предупреждали об этом.

Способности Полины, незаметно для нее самой, подняли ее над обществом. Это было не высокомерие, а снисхождение, как у первых белых путешественников по отношению к папуасам Новой Гвинеи или Австралии. Полина старалась оставаться для всех такой же, какой и была, но людей не обманешь. Они почувствовали, что девушка изменилась. Настоящее мне-

ние о нас складывается не из того, что мы хотим представлять, а из того, кем мы являемся на самом деле.

Полина стала увереннее. Девичий круг общения на курсе подсознательно отверг ее. Отчасти из-за того, что теперь он казался самой Полине глуповатым. Много очевидных вещей обсуждались в нем раз за разом, и от этого на душе становилось тоскливо. Отчасти из-за того, что на Полину стали чаще обращать внимание парни – в особенности уверенные в себе, не боявшиеся проявления ума у девушек. А так как эти парни по умолчанию считались потенциальными избранниками нескольких красавиц с курса, привыкших к конкуренции только внутри своего общества, Полину попробовали превратить в изгоя. Вместо этого у девушек получилось заработать репутацию глупых куриц, и пришлось поумерить свою активность.

Страсти вокруг исчезновения Блохина в университете не стихали. Какие-то службы регулярно приезжали, снимали, сканировали, опрашивали. Два раза Полину приглашали ответить на вопросы. Людям из служб было невдомек, что девушка, наивно хлопающая перед ними глазами, на самом деле видит людей за стеклом, аппаратуру, измеряющую параметры тела, и понимает все логические ловушки, в которые ее собираются поймать. Полина отвечала честно, чтобы не дать аппаратуре усомниться в ее ответах, и незаметно для всех заставляла задавать именно те вопросы, на которые могла дать честный ответ.

Ближе к октябрю все успокоилось. Прецедент был, конечно, уникальным. От Сети никто не мог скрыться бесследно, но само событие перестало муссироваться, и о нем начали забывать. Полина вздохнула облегченно. Чем меньше ей внимания, тем лучше. Можно было сконцентрироваться на учебе, на интригах курса, на тренировках, на поиске новых способностей. Полину не покидало желание найти среди оставленных в ее голове программ ту, что могла бы активировать физическую силу и выносливость. Все попытки запустить ее через привычные мысленные образы были тщетными. Возможно, ее там и не было. Физические способности человека в плане приложения усилий для их развития для профессора Блохина могли быть не интересны.

* * *

Полина вышла из автобуса на остановку раньше, чтобы пройтись перед занятиями. Старый тополевый парк специально не убирали от опавшей листвы. Ее оставляли для детей, которым было в радость бегать по шуршащим сугробам, валяться в них, подкидывать вверх и обсыпаться листьями. Полине нравилось вдыхать аромат пожухлой листвы, нравилось раскидывать ее ногами. Было в этом что-то полезное для настроения.

Так рано в парке детей еще не было, а взрослые редко выбирали маршруты душой. Им нужны были дороги, покрытые асфальтом или плиткой. Они не понимали, как много упускали, отказываясь пошуршать листьями просто так. Оазис дикой природы встретил Полину присущим ему запахом. Полина вдохнула его полной грудью и пошла сквозь парк, намеренно подкидывая носками ног сухие листья. Деревья осенью, уходя в зимнюю спячку, создавали атмосферу сонливости, приятного, зафиксированного во времени момента перехода от бодрствования ко сну. Даже воздух в парке в это время как будто застывал. Полине казалось, что, если задержаться здесь надолго, он затянет в процесс засыпания и заставит уснуть вместе с ним до самой весны.

Навстречу шел мужчина. Судя по его виду, ему просто хотелось сократить путь. Он не наслаждался дорогой, не смотрел по сторонам, просто шел, засунув руки в карманы пальто. Полине показалось, что он зябнет. Они разминулись. Полина сделала несколько шагов, резко обернулась и посмотрела вслед уходящему человеку. Аналитическая программа благодаря тренировкам постоянно работала в фоновом режиме, и она выдала результат, что мужчина появился в парке из-за Полины. Девушка прибавила зум, будто пыталась увидеть причину

подозрений вблизи. Мужчина обернулся, словно знал, что ему смотрят в спину. Полина видела его лицо совсем близко. Глубоко посаженные глаза в темной окантовке нездоровой кожи... Рот мужчины скривился в усмешке. Полину передернуло.

Мужчина снова отвернулся и зашагал прочь как ни в чем не бывало. Липкий пот потек по спине и выступил бисеринками на носу и лбу. Теперь Полина точно знала, что неприятный тип оказался здесь по ее душу. Что ему было нужно? Кому она интересна? Проблем не хотелось совсем. Ни с законом, ни с мифической организацией, способной похищать людей под носом у Сети.

Настроение испортилось. Вместо занятий захотелось уехать домой к родителям, почувствовать себя маленькой и защищенной. День прошел как во сне. Улыбка незнакомца то и дело всплывала в памяти. Она была мерзкой, липкой и не сулящей ничего хорошего. Не улыбка это была, а оскал судьбы, готовящей неприятности. Полина пыталась понять, как должна работать организация, умеющая незаметно похищать людей. Получалось, что она способна отключать камеры, сенсоры, детекторы и прочую технику, фиксирующую каждый шаг жителя планеты. Теоретически это было невозможно, потому что все они принадлежали разным ведомствам. И в этом случае у человека не было прав просто отключать камеры или сенсоры. Их меняли только из-за поломки.

Полина вспомнила Блохина и его опасения по поводу киборгов, пользующихся Сетью изнутри. Получалось, что кто-то мог стать вычислительной единицей Сети с человеческим интеллектом и быстродействием машины. Полина была не сильна в программировании, но могла представить: можно сделать так, что Сеть будет считать подключившегося к ней человека за еще один процессор. Машине не нужно подтверждать свой выход идентификацией ДНК, значит, управляемая желаниями соединенного с ней человека, она способна творить в Сети все, что ей заблагорассудится. Захочет – отключит камеру, захочет – свет, захочет – возьмет под контроль автомобиль, и никаких следов, указывающих на действия человека, не останется. Если Блохин прав и кому-то удалось соединить в одно нервную систему человека и провода компьютера, сделать так, чтобы они понимали друг друга, то можно считать, что человечество сделало еще один качественный шаг в своей эволюции. Тихому, засыпающему под постоянным наблюдением Сети человечеству приходил конец. Наступало время не согласных с таким порядком.

С этого дня Полина стала ездить только общественным транспортом, бывать преимущественно в людных местах и пользоваться своими способностями чаще обычного. Психика начала давать сбои. Кристина попала ей под горячую руку, когда в очередной раз задала вопрос про свою потерянную вещь. Полина почувствовала, что напряжение, копившееся в ней последние дни, требует выхода. Если бы она промолчала, то какой-нибудь предохранитель внутри нее перегорел бы, и Полина съехала бы с катушек. Кристина убежала из комнаты с плачем, держа в руках найденную вещь. Полина упала на кровать и, зарывшись в подушку, пролежала не двигаясь не меньше получаса. Когда психоз сошел на нет, ее ждало еще одно открытие – она почти не дышала и тем не менее не нуждалась в воздухе.

Полина подошла к зеркалу и увидела свое лицо, ставшее пунцово-красным. Каждый вдох вызывал головокружение, как от перенасыщения кислородом. Девушка решила, что произвольно запустила программу, вызывающую ускоренное производство эритроцитов, а может быть, она запускалась автоматически, когда организм начинал испытывать кислородное голодание или стресс. Краснота кожи стала проходить на глазах, как только она начала нормально дышать. Новая способность обрадовала Полину, и к возвращению Кристины она стала такой душкой, что попыталась загладить вину заказом кармашков.

– Ни хрена себе у тебя ПМС! – Кристина приняла извинения, с удовольствием поедая подношение. – Я бы проверилась на твоём месте.

– Ни за что. Мы же медики и знаем, что медицина одно лечит, другое калечит. Сама справлюсь. Сырая погода, уныние, помноженные на ПМС, – вот причины моего захода. Сама испугалась.

– Полин, я тебя давно хотела спросить, что с тобой произошло? – Кристина посмотрела ей в глаза. – Нет, я не про сегодняшний случай, я вообще имею в виду – в последнее время.

– Ты о чем? – Полина сделала вид, что не поняла.

– Ты... ну, ты стала другой, не такой, как раньше. Ты прости меня, но раньше я считала тебя недалекой деревенщиной и старалась держать с тобой дистанцию. А в последнее время мне кажется, что ты как будто и не ты. Ты находишь мои вещи, как будто всегда знаешь, где они лежат, напугала меня, когда посчитала в уме, в какой день недели будет мой день рождения, и вообще... ты похожа на человека, который что-то скрывает.

Кристина замолчала и, глядя в глаза, ждала ответа. Полина поняла, что с днем рождения сокамерницы дала маху. Вместо ответа она рассмеялась. Не ожидала от сомнамбулической Кристины такой наблюдательности. Выходит, ее манера общения была нежеланием впускать на свою территорию деревенщину Полину. Не больно-то и хотелось.

– Да брось, какой другой. Просто подросток Полина превращается в девушку. В семье у нас принято класть все на место, поэтому я невольно запоминаю, куда ты и что раскладываешь. Подсознательно, понимаешь? А твоя днюха просто совпала с днем, который мне тоже важен. – Полина легла на свою кровать и задрала вверх ноги. – Деревенщина – это сильно. Вот уж не подумала бы, что в наше время играет роль то, из какой ты местности.

– Я ни разу не была в деревне, думала, что вы там до сих пор коров пасете.

– Как же ты попала в универ с таким кругозором?

– Ой, ну все, сейчас поссоримся. Спасибо за кармашки. – Кристина открыла свой терминал, давая понять, что разговор окончен.

* * *

На День согласия и примирения Полина решила съездить домой. Соскучилась по родителям сильно. Праздник был хорошим поводом повидать их. Соседка накануне праздника снова ушла на пати. Ей пришлось по душе алкогольные вечеринки. Полине показалось, что Кристина наконец-то нашла себе парня. Она больше занималась собой и стала чаще пропадать вне обществ. Ее отсутствие было по душе Полине.

Вечерний морозец щипал нос и заставлял прятать руки в карманах толстовки. На стоянке остался только один междугородний автомобиль. Неслыханная роскошь для студента – кататься в одиночестве на такие расстояния. Из-за того, что она решила ехать домой в последний момент, в рейсовых автобусах не осталось свободных мест. Полина решила, что родители оплатят поездку на автомобиле.

Салон машины быстро прогрелся. Полина почувствовала умиротворение от тепла и мелькающего за окном пейзажа. Сеть предложила несколько предпочитаемых ею развлекательных ресурсов. Полина попросила оставить окна прозрачными. Ей захотелось немного вздремнуть. Мелькающие картинки за окнами убаюкивали.

Сон быстро завладел ее сознанием. Сквозь дрему слабо доносился шорох шин по дороге да чувствовались легкие раскачивания, еще глубже погружающие в сон. Полина доверилась технике и полностью отключилась. Ей показалось, что проспала она очень много времени. Когда открыла глаза, за окном была ночь. Терминал показывал десять вечера. По идее, она должна была подъезжать к своей деревне. Мелькали редкие фонари, освещающие придорожные кафе и стоянки грузовиков, железнодорожные переезды. Показался знак населенного пункта. Полина присмотрелась. Она знала все деревни рядом со своей. «Покровка» – гласила надпись на знаке. Никаких Покровок даже близко возле ее деревни не было.

Полина заволновалась. Вынула терминал, чтобы свериться с маршрутом. Его экран загорелся, но завис, так и не выйдя на рабочий стол.

– Где мы едем? Выведи на экран карту маршрута, – попросила она автомобиль.

Прошло несколько секунд, но ее просьбу никто не спешил исполнить.

– Что за черт? – Полина поняла, что случилось что-то из ряда вон, но еще не хотела в это верить. – Остановись на ближайшей стоянке! – сказала она строго, как будто для Сети это имело значение.

Автомобиль не подчинился. «Похитили, как профессора Блохина» – аналитическая программа выдавала тот же результат. Если бы случились неполадки с Сетью, она бы уже сто раз вывела на экран предупреждение об этом. Автомобиль был глух к просьбам и настойчив в своем желании увезти Полину неизвестно куда. В душе начиналась паника. Первобытный страх перед непонятной опасностью сковал способность рационально мыслить. Полина заметалась. Бессознательно требовала остановиться, перезагружала свой терминал, кричала через окно, проезжая мимо стоянок. Все было напрасно. Автомобиль включил окна-экраны, и Полину не стало видно с улицы, а она не смогла видеть дорогу.

Паника перешла в истерику, а когда силы закончились, наступила пауза прояснения рассудка. Слабость, длившаяся минут десять, показалась Полине в этот момент чужой, пережитой в другом теле. Мозг очистился от лишних эмоций и наконец начал думать. Он подсказал про аварийное отключение автомобиля – была в нем такая функция, оставленная на всякий случай. Чужие знания всплыли в Полининой голове как свои собственные. Она откинула крышку переднего перчаточного ящика и попробовала найти в нем инструкцию. Ее там не было. Похитители могли предусмотреть этот момент. Можно было поступить, как вандал, и разбить окна. Сеть в этом случае должна была отправить машину к ближайшему сервису.

Полина уперлась спиной в сиденье и попробовала выбить передний экран. Где там, он был рассчитан на большие нагрузки. Тогда Полина развернулась и пнула боковой. Стекло затрещало и пошло паутиной трещин. Картинка потекла и пропала. За окном снова проступила ночь. Полина пнула с оттяжкой. Стекло выгнулось наружу. Сильный порыв встречного воздуха вырвал его из посадочных гнезд и разбил о дорогу. В салон ворвался ледяной воздух. Громче заработала печка, но никаких предупреждений о поломке не было. Машина продолжала лететь по ночной дороге.

Автомобиль был под контролем кого угодно, но только не Сети. У нее на этот счет имелись инструкции, которые она не могла нарушить. Никакие доказательства наличия некоей силы, не контролируемой Сетью, больше были не нужны. Вот оно, похищение. Если бы Сеть знала, что ее единица катается без всякого ведома, она бы давно подняла панику и попыталась изловить взбунтовавшийся автомобиль любым доступным способом. Но на дороге было тихо, никаких засад, погонь или попытки взлома автомобильной электроники. Тишина – и только морозный ноябрьский воздух трепал волосы Полины, ставшей заложницей легкой четверки по нейробиологии.

Современная техника считала, что времена, когда можно было перепоручить человеку нештатную ситуацию, давно прошли. Отец рассказывал Полине, что еще ребенком застал те времена, когда на машинах были рули и рычаги ручного тормоза. Человек мог сам управлять автомобилем. Это было небезопасно, но тогда Сеть не имела таких вычислительных возможностей, чтобы доверить ей управление полностью. Из-за ручного управления часто случались аварии по вине человека. Гибли и калечились пассажиры. С тех пор как Сеть взяла под свой контроль перемещение людей, аварии ушли в прошлое. Но сейчас функция ручного управления могла бы, наоборот, спасти Полину.

Капсула салона была изолирована от любого узла автомобиля, который можно было повредить, вызвав остановку машины. Полине оставалось только выброситься из окна. Но это была верная смерть. Скорость машины превышала двести километров в час. На такой скорости

от нее осталась бы только вытянутая по дороге красная полоса, заканчивающаяся ботинками и роскошной трехгодичной косой. Не вариант.

Вдали показались огни. Полина решила, что, когда достигнет их, станет кричать во все горло, лишь бы ее кто-нибудь услышал. Огни приближались. То, что она приняла вначале за очередную стоянку, оказалось грузовиком,двигающимся в попутном направлении. Автомобиль Полины не стал его обгонять. Вместо этого он пристроился сзади и занял дистанцию метров в двадцати от грузовика. Полина высунулась в окно и под сильными порывами ледяного ветра принялась махать руками и кричать. Есть же в грузовиках камеры, кто-нибудь должен увидеть ее.

Грузовик как будто увидел ее и стал замедляться. Автомобиль-похититель тоже стал сбавлять скорость. Полина вздохнула с облегчением. Кажется, Сеть заметила наконец эти чудачества на дороге. Сейчас они остановятся, и Полина вызовет нормальную машину, которая отвезет ее домой. Сюрприз для родителей получился испорченным, но радость спасения перевешивала любые сюрпризы. Задняя дверь-жалюзи грузовика дрогнула и потянулась вверх, открыв темное нутро прицепа.

– Зачем это? – успела мелькнуть мысль, прежде чем аналитические способности выдали высокую вероятность того, что грузовик тоже состоит в сговоре с похитителями.

Из темного провала выпал автомобильный пандус и заскрежетал искрами по дороге. Автомобиль Полины резко ускорился и заскочил по нему внутрь прицепа, потом так же резко затормозил. Жалюзи опустились. Полина оказалась в полной темноте. Зрение перешло на инфракрасное видение. Внутри прицепа было почти пусто. У передней стенки стояли несколько коробок, составленных одна на другую. Полина выбралась из автомобиля. За несколько часов поездки ноги затекли.

Сказать, что настроение было на нуле, – значит не понять, в каком состоянии находилась девушка. Она была подавлена, испугана. Коленки мелко дрожали. Во рту от волнения стало сухо, как в Сахаре. Единственная мысль засела в голове: зачем она согласилась на просьбу Блохина сохранить в себе его опыты! Сейчас ничего этого не случилось бы. Сидела бы с родителями в теплом доме, пила чай с тортом. Нерациональное мышление, свойственное человеку в критический момент, не способствовало раскрытию сверхспособностей. Мысли «Если бы все было не так...» забирали на себя большую часть работы мозга, не давая сосредоточиться на важном.

Полине показалось, что она услышала шум, отличный от шума покрышек, шуршащих по дороге. Тепловое зрение ослабло, но усилился слух. Точно, откуда-то спереди доносилось шипение, напоминающее свист аэрозольного баллончика. Она намеренно ослабила слух, увеличив чувствительность носовых рецепторов. Многообразие запахов ударило в нос: резиновая горечь остывающих покрышек, пластика, остаточные ароматы перевозимых в прицепе грузов и резкий запах эфира. Полине хватило доли секунды, чтобы понять, что ее пытаются погрузить в бессознательное состояние.

Она отбежала в конец прицепа, пригнулась к полу и, держа в голове образ задыхающейся себя, принялась часто дышать. Она почувствовала, как кровь наполнилась кислородом, как к лицу подступила краснота. Голова закружилась, и стало даже как-то хорошо и спокойно. Полина задержала дыхание и легла на пол. Она снова перешла на тепловое зрение. Над собой она увидела красное пятно инфракрасной подсветки. Разумеется, за ней следили. Беспомощно лежа на полу и ожидая решения собственной участи, Полина попыталась проанализировать прошлое. Очевидно, что за ней начали следить давно. Кто-то хотел убедиться, что именно ей передал свои знания Блохин. Она вспомнила отключенный свет в магазине, когда она водила мать за руку, восхищаясь своими способностями. Уже тогда кто-то вычислял ее, а она по наивности сдала себя с потрохами.

Полина вспомнила, как ради интереса лазила по Сети и решала математические задачи, логические головоломки. Что, если и тогда ее проверяли? Тот человек в парке – зачем он прошел мимо нее, что он мог понять, взглянув на нее мельком? Теперь ей было понятно, что все время она была под наблюдением. Способности искушали, и не было сил, чтобы не продемонстрировать их. А в результате она лежит в прицепе грузовика и пытается пережить химическую атаку. Задержки дыхания хватало максимум на полчаса, она не раз замеряла этот параметр, а дальше все равно придется вдохнуть воздуха, насыщенного снотворным эфиром.

Позывы из легких становились все настойчивее. Полина держалась, но чувствовала, что непровольный спазм легких случится совсем скоро. Она осторожно встала, открыла дверь автомобиля, который похитил ее. Нашупала свою сумку, вынула из нее запасную майку, смочила водой. Она приготовила ее на тот момент, когда придется сделать вдох. Полина точно не знала, пропустит или нет такой фильтр сложную молекулу эфира. Эритроциты в первую очередь подцепят ее, а не кислород. Если мокрая тряпка окажется неэффективной, то она отключится мгновенно.

Грузовик резко остановился. Полина едва сдерживала спазм легких. Механизм открытия задней двери загудел и включился. Дверь поползла вверх. Полина броском выскочила на улицу, сделала глубокий вдох и тут же перешла на тепловое зрение. В глаза ударил свет фонаря. Полина даже не успела ничего разглядеть вокруг. Полагаясь на удачу, она закрыла глаза и бросилась прочь от грузовика. Через пару секунд она открыла глаза и едва успела отреагировать на дерево перед собой.

Полина мчалась по лесу. В спину ей светили два фонаря преследователей. Еще не восстановившийся до нормы уровень эритроцитов действовал как допинг. Полина бежала как лань, перепрыгивая через поваленные стволы деревьев и мелкие овражки. Ей показалось, что в таком темпе она сможет нестись несколько часов. Так легко ей никогда не бежалось. Едва она так подумала, как в спину что-то больно ударило. Ноги сразу завязли, как в желе, голова закружилась. Полина пробежала еще несколько метров и упала.

Глава 4

Где-то рядом за стенкой два мужских голоса переговаривались между собой. Полина напрягла слух.

– Чуть не сбежала от нас эта сучка. Если бы Санёк не попал в нее, так и смылась бы. Не поверишь, метров по пять прыжки делала. Я потом сам шагами измерил ее следы. – Наверное, этот голос принадлежал одному из ее похитителей.

Полина пошевелила руками. Они были связаны за спиной. Движение отдалось болью в спине, в том месте, куда ее ударило во время бегства.

– Я не могу поверить, что человека можно вот так взять и запрограммировать, как компьютер, – ответил второй мужской голос с нотками южного выговора. – Вмешательство в мозг всегда приводит к побочным эффектам.

– Мы следили за этой, на дуру она не похожа. Даже старалась не выделяться на фоне других.

– Пойду проверю, может быть, пришла в себя наша газель. Как там ее зовут? – спросил человек с южным акцентом.

– Полина. Громова.

– Вах, красивое имя.

Раздались шаги, а потом щелкнул замок в двери. Дверь бесшумно распахнулась. Полина зажмурилась. В нос ударил запах с улицы. Теплый и влажный, как в знойный летний день после короткого дождя.

– Эй, девушка, пора вставать. Тебе в туалет пора, наверно. Ты уже сутки спишь.

Мужчина был прав. В туалет уже давно хотелось. Полина приоткрыла один глаз. Перед ней стоял невысокий коренастый человек с кудрявой шевелюрой, крючковатым носом и темной обильной щетиной. Южанин, она не ошиблась.

– Очухалась! – сказал он громко, чтобы его услышал второй мужчина. – Добро пожаловать в свободный мир.

Полина попыталась сесть, но связанные руки не позволили ей этого сделать. Южанин помог подняться, но развязывать не стал. Полине показалось, что он ее боится. Мужчина так осторожно помогал ей, как будто был готов отскочить при первой опасности. Вошел его напарник. Здоровый, с бритой наголо головой. На вид он был ближе к приматам, чем к людям. Скелет его был сформирован для выполнения тяжелой физической работы, а покатым узким лоб указывал на скромные умственные способности.

Голова еще кружилась, болела, и подташнивало.

– Где тут у вас туалет? – спросила Полина у кружащихся фигурок.

Здоровяк взял ее под руку и стянул с кровати, как невесомую куклу. Ноги не слушались, были как ватные и тряслись в коленках. Если бы здоровяк не держал ее под руку, она бы не устояла. Полину вывели в коридор. Вдоль всей левой стороны находилось большое панорамное окно, открывающее вид на синее море, кипарисы и поросшие лесом горы. Полина решила, что это экран. Ей сейчас было не до того, чтобы интересоваться местом, в котором она оказалась. Сильная рука толкнула ее в туалет.

– Руки развяжи, – почти приказала она.

Здоровяк немного помялся, но выполнил просьбу. Он открыл дверь и подтолкнул девушку в туалет. Полина чуть не упала на кафельный пол. Дверь громко хлопнула за спиной. Кисти затекли и ничего не чувствовали. Полина обшарила карманы. Терминала в них, как и следовало ожидать, не оказалось. С трудом удалось расстегнуть пуговицу и молнию. Полина не спешила вставать с унитаза. Она смотрела на свое бледное отражение в зеркале и думала, как быстро привести себя в норму. Хотелось как можно быстрее избавиться от последствий инток-

сикации, мешающей чувствовать себя нормальным человеком. Какие-то глобальные мысли о ситуации, в которой она оказалась, не думались. Слишком все круто перевернулось, чтобы это осознать и принять.

Чуть-чуть больше кислорода, чем обычно, ускорило метаболизм. В комнатке стояла раковина с краном. Полина присосалась к нему. Вода должна была скорее промыть организм и вывести токсины. Охранник постучал в дверь, обеспокоенный задержкой девушки. Чего он боялся? Здесь не было даже окошка, чтобы сбежать.

– Считаю до трех! Не выйдешь – я сам зайду.

– Иду, – отозвалась Полина.

В руках только сейчас появились нормальные ощущения. Ладони покалывало мелкими иголками. Карусель головокружения успокоилась, и стало намного лучше. Здоровяк стоял подле двери, и как только Полина вышла, сразу накинул ей на запястья наручники.

– К чему такая осторожность, гигант? Что за манеры обращаться с девушками в свободном мире?

– Нормальные манеры. – Здоровяк крутанул Полину в нужную сторону и подтолкнул. – Свободный мир не для тебя, а для нас.

Полина догадалась, и это было очень смелое предположение, что в этом месте нет контроля, установленного Сетью. Для обычного гражданина понятия Сеть и Земля были синонимами. Все знали, что нет такого места на Земле, где за тобой не было бы пригляда. Ан нет, выходит, что есть.

Полина готова была поклясться, что окно справа – на самом деле большое стеклянное окно, а не экран. Десяток мух ползали по нему с обратной стороны. Если бы это был экран, то картинка подавалась бы на него с камеры, на линзе которой десяток мух занял бы всю линзу.

– Зачем я вам? – спросила Полина, зная ответ.

Интересно, что ей будут врать.

– Скоро узнаешь. – Все, чем ее удостоили.

В комнате, в которой ее содержали, уже ждал обед: два кубика герметичной термопосуды и большой бокал с темным напитком. Состояние Полины улучшилось, и она почувствовала, что голодна. В первом кубике находился плов. Совсем не такой, какой она привыкла заказывать: более ароматный, темный, с большим количеством мяса. Вкус его оказался более насыщенным. Если бы Полине сейчас было до сравнений, то она сказала бы, что ничего вкуснее не ела. Обед занял продолжительное время из-за того, что есть в наручниках оказалось совсем неудобно.

Слух приходилось держать на максимуме, сканируя все звуки вокруг. Голосов и звуков раздавалось много, но они доносились издали и не затрагивали судьбу Полины. Ее волновал вопрос: зачем она им? Вытянули бы из Блохина знания да и воспользовались бы ими в своих целях. Сквозь сумбур мыслей и остатки тумана Полине пришел ответ, что Блохин специально не держал в себе свои знания. Как только он понял, что они могут попасть не в те руки, то оставил в Полине единственную копию, а остальное уничтожил. Будь проклят этот экзамен!

Полина спросила себя, что будет с ней, когда она поделится знаниями с организацией, похитившей ее. Все, что ей сейчас хотелось, – это вернуться домой и зажечь прежней жизнью. Не нужны были никакие сверхспособности, спокойная жизнь стоила дороже. Ответ пришел не тот, который она хотела. Свидетелей никто отпускать не будет. Ее либо уничтожат, либо завербуют, сделав так, что ей придется работать на них, даже против своей воли. Стало невероятно жалко родителей. Они теперь уже были в курсе того, что она пропала. Мать с отцом представились ей одинокими, потерянными, сидящими на ее кровати с выражением скорби на лице.

– Ну уж нет, дудки! – Полина сжала кулаки и метнула воинственный взгляд в сторону двери. – Обрадовались, что девчонку поймали! Слабую и бестолковую. Думайте так и дальше,

а я придумаю, как провести вас всех. Посмотрим, как ваши силиконовые мозги будут работать против отборного, улучшенного серого вещества.

Тепловое зрение выявило в комнате несколько камер. Кто-то хотел созерцать ее со всех сторон в объемном варианте. Полина уплетала плов, запивала его темным напитком, напоминающим пиво. Во второй коробке она нашла суп харчо. Его вкус тоже оказался восхитительным, умеренно острым, чесночным, с ароматом натурального дыма. Если здесь присутствовала такая дикость, как стеклянные окна, то вполне возможно, что и еду готовили на костре.

После сытного обеда глаза заволокло туманом. Ослабленный организм еще нуждался в отдыхе. Даже чувство тревоги, не отпускающее ни на минуту, оказалось слабее желания выспаться. Полина решила ему отжаться. Сон завладел ей мгновенно. Показалось, что прошло не больше минуты, когда послышались шаги в коридоре. Девушка резко открыла глаза. Даже во сне у нее получилось удерживать слух на более высокой чувствительности.

Щелкнул замок. В распахнутую дверь вошел здоровяк и еще один мужчина, незнакомый, чуть ниже ростом, но тоже крепкой комплекции. Чего они так ее боятся?

– Пошли с нами! – грубо произнес здоровяк.

– Развяжите хоть. – Полина протянула руки. – Жмет.

– Нет.

Полина встала с кровати, мельком заметив, что старые часы со стрелками отмерили два часа с того момента, как она решила поспать. Здоровяк взял ее за локоть и направил к выходу. Второй мужчина стоял у дверей. На бедре у него висел полицейский электрошокер. Меры безопасности еще больше удивили девушку и немного позабавили.

– Бу! – напугала Полина второго мужчину, когда прошла мимо него.

Мужчина вздрогнул и схватился за шокер.

– Сучка! – попытался он ругательством нивелировать неожиданный испуг.

– Еще раз выдашь такой номер – получишь дубинкой по спине. – Здоровяк напомнил Полине, что она пленница.

Полину вывели на улицу. Яркое горячее солнце слепило. Воздух благоухал непривычными ароматами и был наполнен стрекотом цикад. Глаза привыкли к свету. Девушка осмотрелась. Ее вели вниз по дорожке, мощенной бежевой плиткой. Вдоль дорожки росли аккуратно стриженные плотные лавровые кусты. За ними, как солдаты в почетном карауле, стояли ряды кипарисов. Вниз, по дорожке, у самой кромки голубой воды расположились одно- и двухэтажные домики: небольшие, с красными крышами, окошками, прикрытыми ставнями-жалюзи. Их было не больше десяти. Больше и не поместилось бы из-за того, что скалы, опускающиеся в море, ограничили пространство для строительства.

Место оказалось красивым, и приятнее было представить, что оно создано для отдыха, а не для прибежища преступной организации. Полина сосчитала ступени. До входа во двор их было триста двадцать девять. Двор дома был огорожен кирпичной стеной, покоящейся на каменном фундаменте. Смотрелся забор основательно, могуче, как будто предназначался для выдерживания долгой средневековой осады. Сам двор оказался непривычно большим. Наверное, из-за того, что в нем было пусто. Вымощен он был той же плиткой, что и ступени. В глубине двора стоял двухэтажный дом с балкончиком. Под балконом росли два оливковых дерева, заключенные у основания в красивую каменную чашу. Дверь на балкон отворилась, и на него вышел мужчина средних лет с аккуратной бородой. Одет он был в атласный халат. В одной руке у него находился большой бокал. Он поднял его в знак приветствия. Полина поняла, что этот знак для нее, а не для спутников. Здесь все выглядело совсем не так, как должно быть у похитителей. Слишком тихо и умиротворенно.

Полина приблизила лицо мужчины. Борода добавляла возраст, но по глазам можно было предположить, что ему не больше шестидесяти. В уголках глаз начали появляться морщины,

в бороде проглядывали седые прядки. Хотя могло быть и сорок, если он не дружит с Сетью и не принимает предписываемых ею антивозрастных процедур.

Полину завели в кондиционируемую прохладу дома. Вся обстановка в просторном холле была выполнена в старинном стиле. Деревянная мебель, на полах – ковры, на стенах – картины классиков. Хозяева дома, должно быть, скучали по старым временам, когда все было лучше, или на самом деле отвергали все, что появилось в мире после информационно-социальной революции, создавшей Сеть.

Старинную обстановку можно было назвать уютной. Она прекрасно сочеталась с внешним видом дома и с атласным халатом его хозяина. Мужчина вышел навстречу. Бокал его был уже пуст, а на лице – самая добродушная улыбка, которую он смог на себя наклеить. Полина была неплохим физиономистом и умела отличать поддельные эмоции от наигранных. Мужчине в халате были нужны программы в ее голове.

– Ионас, что ты вцепился в это хрупкое создание, как краб? – Не меня выражения лица, хозяин дома попросил вышибалу отпустить девушку.

Здоровяк отпустил Полину и сразу взялся за электрошокер-дубинку. На руке у девушки остались следы его пальцев. Ионас и второй мужчина не сводили с нее глаз, готовые в любой момент пустить в ход оружие.

– Добрый день, Полина. Меня зовут Филиппос. – Хозяин дома сделал легкий кивок. Старомодный жест. – Как вам в наших краях?

– Зачем вы меня похитили? – Полина вложила в голос все накопившиеся эмоции.

– Потому что ты не захотела приехать сама. – Филиппос помахал бокалом. – Людей стало тяжело скovyрнуть с насиженного места. Они перестали думать самостоятельно. За них все решает Сеть.

– Вы могли бы просто спросить меня? Зачем было красть? Это дикость, варварство! – Голос Полины дрогнул.

– Хотел еще раз убедиться, что мы с тобой не ошиблись. – Филиппос поставил стакан на деревянный столик. – Что мы стоим на пороге, проходите в дом.

Филиппос развернулся. Его халат заструился переливами атласного шелка. Полину снова крепко схватили за локоть и повели следом за хозяином дома. Вместо того чтобы пройти в гостиную, они спустились в подвал. Второй мужчина накинул ей на голову непрозрачный колпак. Полина испытала приступ клаустрофобии и страх перед неопределенностью. Она взяла себя в руки и попробовала применить инфракрасное зрение. Темнота наполнилась проникающими через ткань свечениями тел и нагретыми электроприборами.

Прямо перед Полиной загорелся оранжевый вертикальный огонек цилиндрической формы. Он двинулся влево, потом вверх. Полина водила глазами за ним, но не двигала головой. Потом свет резко приблизился к лицу, как будто ее хотели ударить этим нагретым предметом. Полина резко отклонилась.

– Вот сучка, видит! – донесся удивленный голос здоровяка.

– Ионас, никаких грязных эпитетов по отношению к этой девушке. Она наш гость.

До Полины дошло, что это была проверка, и сейчас она раскрыла перед ними, что может видеть в тепловом спектре. Мешок с головы не сняли. Открылась дверь, и Полину повели по гулким коридорам. Она видела только редкие пятна света и пыталась запомнить все повороты. Ее поставили на шаткий пол. Загудел электромотор, и пол понес ее вверх. Движение длилось минуту. Редкие огни проскакивали сверху вниз. Пол дрогнул и остановился. Снова крепкая рука дернула Полину. Еще минута гулких шагов по коридору.

В глаза ударил свет большого количества ламп. Мешок неожиданно сняли с головы, и Полина чуть не ослепла. Ей пришлось зажмуриться и прикрыть лицо руками.

– Как здорово, наверное, быть чуть-чуть лучше всех? – Филиппос поджал нижнюю губу. – Скажи честно, ты бы хотела сделать так, чтобы все люди смогли обладать теми же способностями, что и ты?

Полина едва начала различать обстановку места, в которое ее привели. Зал, метров двадцать на двадцать, без окон, оборудование вдоль стен. Полина не стала отвечать Филиппосу.

– Ладно, можешь не отвечать. Я знаю ответ. Быть лучше всех намного приятнее, чем быть одним из одинаковых. В твоём случае это тихое балование самолюбия, редкие проявления превосходства на публике, потому что скромность – это твоя натура. Достанься способности Ионасу – все было бы по-другому. Он бы весь мир перевернул с ног на голову. Поэтому бодливой корове Бог не дает рогов. Но одна общая черта – нежелание сделать всех равными тебе – есть у всех. Согласись, что эта черта совсем не добродетель? – иронично поинтересовался Филиппос.

– Я... я не знаю. Мне не хочется дискутировать с вами. Я не в том состоянии. Скажите, что я должна сделать, чтобы вы меня отпустили домой? – Полина умоляюще посмотрела на него.

Тот изучал ее некоторое мгновение, а потом засмеялся.

– Вы слышали... домой? – хохоча, спросил он у вышибал. – Не ожидал я от тебя такого вопроса, Полина.

Вышибалы ржали. У Полины на глаза навернулись слезы. Этот смех для нее значил только одно – никакого возврата домой добровольно не будет.

– Развяжите ее, – сквозь смех попросил Филиппос Ионаса. – Чем раньше поймет, зачем она здесь, тем лучше.

Ионас снял наручники. Второй страховал его, держа электрошокер в вытянутой руке. Чего-то Полина не знала о себе. Почему с ней обращаются как с диким зверем? Ведь у нее ни разу не получилось активировать физические сверхспособности, кроме того случая во время бегства в лесу. Но тогда это было следствием высокого содержания кислорода в крови. Даже в том состоянии она могла только убежать, но никак не сладить с тремя взрослыми мужиками. Может быть, Блохин что-то наплел им, надеясь, что те не рискнут похитить ее?

Полину оттолкнули. Она чуть не упала. Ионас, держась за дубинку, отступил к дверям, где его ждал Филиппос и второй охранник.

– Желаю нам удачи! – крикнул перед уходом хозяин дома.

Троица исчезла за толстой дверью. Полина осталась одна посреди зала. Посмотрела вокруг тепловым зрением. Зал был засвечен сильно нагретым оборудованием и лампами дневного света. Обострила слух и смогла различить в дальнем конце зала, за стеной, шум приближающихся шагов. Неприметная дверь, сделанная под одно со стеной, открылась. В помещение вошел профессор Блохин. По-старчески щурясь, приглядывался к Полине, подошел ближе. От удивления его глаза становились все шире.

– Ты... ты та студентка, как тебя... Громова, да?

– Полина Громова, Владимир Константинович. – Полина не меньше профессора была удивлена его появлением.

Профессор подошел к Полине и прижал ее голову к себе.

– Прости, девочка, прости, не думал, что все так обернется. Вот я старый дурак, зачем тебя ввязал в это дело? Тебе не били? – Блохин отстранил Полину и осмотрел ее.

– Нет, обошлось. Держали связанными руки, и все.

– Прости, Полина. Они мне намекали, что знают, как заставить меня вернуть все мои наработки, но я не думал, что они имели в виду тебя. Был уверен, что они про тебя не знают. Изверги! Ничего святого!

– Где мы находимся, профессор? Почему здесь не работает Сеть? – Полине не хотелось больше выслушивать душевные терзания преподавателя.

– Где-то в Греции, скорее всего на острове. Я не выходил отсюда ни разу. Вся моя территория – вот этот зал и небольшой балкончик, вырубленный в скале. Не могу поверить... – Профессор горестно замотал головой. – Теперь они заставят меня плясать под их дудку.

– Почему здесь не действует Сеть, Владимир Константинович? – повторила вопрос Полина.

Профессор вздохнул.

– Не помню, я не рассказывал тебе про мои предположения о существовании киборгов?

– Рассказывали. Вы предположили, что кому-то удалось соединить нервы и провода и создать интерпретационный язык для общения.

– Я был прав. У них целая армия таких людей, которые просто сидят в Сети и творят все что угодно. Отключают камеры где нужно, угоняют машины, создают невидимые участки, как этот. Представляешь?

– Представляю. А зачем им это?

– Они противопоставляют себя Сети. Считают ее злом, ведущим к деградации человечества.

Полина на секунду задумалась над словами профессора. Отчасти она была согласна с этим. Человечество становилось заложником немислимого комфорта.

– А что, если так и есть?

– Ха, вас, молодых, легко подзудить на любую революционную идею. Как сказал один умный человек, не смотри, что говорят, смотри, что делают. В основе любой подобной идеи за красивыми лозунгами кроется всегда одно – желание власти.

– А я должна помочь им в этом?

– Точно так. Извращенный мозг их руководителя готов воспользоваться моими разработками самым безобразным способом.

– И что же они планируют?

– В подробностях не знаю. Меня никто не посвящает в его планы. Думаю, что он хочет использовать людей со сверхспособностями с той же целью, что и киборгов.

– Профессор, а вы не скажете мне, почему они обращались со мной, как с тигром, выпущенным из клетки? Они так напрягались, когда у меня были освобождены руки!

Блохин прикрыл глаза и мелко заводил головой из стороны в сторону. Можно было догадаться, что такие вопросы задавать вслух не стоит. Полина ответила ему понимающим кивком.

– Не знаю, у них могут быть свои домыслы, – произнес вслух профессор. – Я им говорил, что программами из человека не сделать олимпийского чемпиона. Если только по шахматам. – Это был тот ответ, который должны были услышать те, кто подсматривал за ними и подслушивал их.

– Что мы будем делать? – спросила Полина.

– Будем извлекать то, что я сохранил тебе. – Блохин указал на ряды оборудования. – Вот, пытаюсь воссоздать свой аппарат для работы с мозгом через зрительный нерв. Думаю, что через неделю закончу его.

– Значит, у меня неделя, – неопределенно сказала Полина.

– Значит, – понял, о чем речь, профессор. – Иди пока, подыши морским воздухом на балкон. Посмотри, что здесь к чему.

Полина поняла его пожелание за совет присмотреться, как все устроено. Ладно, любое действие лучше, чем бездействие. Полина пошла к той стене, из которой появился профессор. Дверь с первого взгляда была не видна. Полина сменила зрение на тепловое и увидела место, где установлен электронный замок. Придавила рукой в том месте. Замок щелкнул, и часть стены откатилась в сторону. Из коридора потянуло сквозняком.

Проход в горе закончился еще одной дверью, за которой находился балкон, вырезанный в склоне горы. Каменный козырек накрывал балкон больше чем наполовину. Помещение напо-

минало квартиру. Здесь стояла мебель. Спартанская, но все же она создавала уют в каменной комнате. Полина подошла к перилам. Голова закружилась, когда она посмотрела вниз. На несколько сот метров под балконом простиралась пропасть. Внизу синее море билось о голые скалы маленькой бухточки. Море было везде, до самого горизонта. Светлый оттенок воды у берега сменялся насыщенной глубокой синевой вдали. Несколько белых суденышек рассекали морскую гладь, оставляя позади себя длинные пенистые буруны.

Полина приблизила одно судно до такой степени, что смогла прочесть на борту его название «Санта-Мария». Это был прогулочный катер, на палубе которого загорали люди. Интересно, они в курсе, что на этом острове зреет заговор против мировой системы? Они могли быть и сами с отсюда и наслаждаться свободой творить что им захочется, без оглядки на Сеть. Те, кто родился после Сети, могли не понимать, что тотальный присмотр может напрягать, потому что впитали его с молоком матери как само собой разумеющееся. Взрослые же рассказывали, что установление контроля Сетью далось непросто. Психологический барьер, сформированный пониманием личного пространства, был взломан, и человеку пришлось довериться Сети, потому что было решено, что полный контроль позволит своевременно удовлетворять человеческие потребности. Жертвование свободой в обмен на комфорт и безопасность...

Раньше Полина не думала об этом – и никто не думал. Удобство жизни под Сетью казалось незыблемым. Так оно и было, в принципе. Контроль над всеми сторонами человеческой жизни привел к тому, что продолжительность одной выросла более чем в два раза. Прапрадед, доживший до ста двадцати, рассказывал, что раньше нельзя было принять шестидесятилетнего человека за сорокалетнего. Шестьдесят лет были возрастом стариков. Мужчин отправляли на пенсию, доживать оставшийся короткий срок перед смертью. Это было ужасно, печально, потому что сейчас считалось, что в шестьдесят человек только входит в расцвет своих сил. Медицина, отсутствие тревог, правильное питание, положительные эмоции – все вместе позволило человеку раскрыть заложенный в него запас прочности.

Мысли Полины перескочили на родителей, и ей стало невыносимо горько за них. Незвестность должна угнетать их сильнее, чем известие о трагическом случае. Она посмотрела вниз, в пропасть, и представила себя птицей, способной улететь из неволи. Какая, к черту, Сеть, какие революционеры, когда у тебя самой на душе тоска за себя и родных людей! Неделя, всего неделя, чтобы сбежать отсюда. Потом она будет не нужна. И тогда придется выбирать между полным заточением, смертью или работой на психов с неуемными амбициями.

Лицо пошло красными пятнами из-за злости. Это же чувство и отрезвило немного мысли, выбив из них бесполезное и даже вредное уныние. Планировать и действовать – вот что было нужно. Похоже, и Блохин придерживался того же мнения. Он здесь оказался раньше нее и мог присмотреть лазейки. Злость прошла и оставила после себя чувство голода. Одиноким холодильник стоял в тени. Полина открыла его и обнаружила большое количество фруктов и соков в стеклянных кувшинах. Лежал здесь и приличный ломоть хамона. Куда же в этих краях без него! Полина решила, что сильно не объест профессора. Нарезала себе ломтиками вяленое мясо, поставила несколько кувшинов с соком, насыпала маслин и плотно перекусила.

Во время обеда она рассматривала балкон. Терминала здесь не было, как и следовало ожидать. Вместо него – старинный телевизор. Сеть в этом месте была объявлена вне закона, поэтому и развлечения только в офлайне. Какими же вещами развлекают профессора? Полина увидела пульт от телевизора: прямоугольный, жутко неудобный, с кучей непонятных кнопок. Тому, кто его придумал, место в аду было забронировано. Не сразу получилось понять, что для того, чтобы включить телевизор, пульт следовало направлять к нему определенной стороной. Экран засветился и начал показывать какой-то фильм не с самого начала. Полина не стала вникать в перипетии картины. Ей было приятно, что телевизор просто бубнил, создавая привычный фон.

От нечего делать Полина занялась наведением порядка в творческом бардаке профессора. Это отняло у нее два часа. За это время на балкон пару раз навевались чайки. Они знали, что здесь можно перехватить съестного без нужды нырять за рыбой. Если бы не печальные обстоятельства, времяпрепровождение на балконе с видом на море могло показаться отличным отпуском.

Когда работа закончилась, время потянулось медленнее. Память телевизора содержала несколько фильмов, и ни один из них не заинтересовал Полину. Скучать и ничего не делать было не в характере девушки. Можно было потренировать свои суперспособности. Рассматривать и слушать здесь оказалось особенно нечего, и Полина решила поупражнять память. Благо всякая литература для этого имелаась.

В основном в помещении хранились книги по нейробиологии и программированию. Два направления, которые скоро должны были превратиться в одно – нейропрограммирование, первым подопытным кроликом которого она и являлась. Полина прочитывала любую страницу на выбор, запоминала ее, а потом старалась воспроизвести по памяти. Это было просто – произносить вслух послушно подаваемый улучшенной программой памятью прочитанный текст. Хорошо бы еще и понимать его. Для этого надо было начинать изучать программирование с самых азов.

Полина услышала шаги только за секунду до того, как открылась дверь. Ионас и второй здоровяк вышли на балкон.

– С тобой хотят поговорить, – произнес Ионас.

В руках у него были наручники.

– А можно без них? – Полина кивнула на наручники. – У меня руки затекают.

– Нет!

– Надолго?

– Не знаю!

Полина на всякий случай положила в рот несколько оливок и кусок хамона. Неизвестно, когда ей придется перекусить в следующий раз. Демонстративно вытянула перед собой руки и подошла к охраннику. Наручники вжикнули и затянулись. Полину снова взяли под локоть и повели.

– Отпусти, я помню дорогу.

Ионас согласился. Он встал позади нее, а второй охранник впереди. Как в кортеже, ее проводили через зал, где работал профессор. Тот только ободряюще махнул ей. Ей снова накинули мешок на голову и повели поворотами, которые Полина запомнила. Затем лифт, еще повороты и, наконец, свет. Полину провели по белой мраморной лестнице к причалу, возле которого, покачиваясь на волнах, стоял белоснежный катер. Сердце екнуло надеждой, что ее отвезут обратно, но аналитическая программа снизила этот шанс до нуля. Вариант с тем, что ее пустят на корм рыбам, был более вероятен.

Полина перепрыгнула с причала на шаткий борт катера. Ее провели к носу судна, на котором помешались поднятые в сидячее положение лежаки. Палубу окаймляли низкие перила из хромированной стали. В трюм вела лестница, отделанная натуральным деревом. Из него показался Филиппос. Одет он был в синие штаны и тельняшку, на голове фуражка с кокардой в виде штурвала. В этом одеянии он походил на картинного капитана корабля или боцмана. Борода подчеркивала это сходство.

– Привет! Добро пожаловать на борт! – поздоровался он. – Ходила на катере?

– Только на моторке, по Волге, – призналась Полина.

– Морской болезнью не страдаешь?

– Нет, я не тошнотик. Вы меня не развяжете?

Филиппос усмехнулся. Он положил свою руку поверх Полининой, ухватившейся за перила, и пристально посмотрел ей в глаза. Полина постаралась выдержать его взгляд, но не смогла.

– Еще не время. Мы не знаем точно, кто ты, ты не знаешь, кто мы. Я предлагаю тебе совершить прогулку, поближе узнать друг друга, чтобы между нами появилось доверие. Ты готова?

– У меня есть выбор?

– Выбор всегда есть, но добровольный союзник всегда надежнее, чем помогающий по принуждению.

Полина поняла, что ей предлагают стать под их знамена добровольно. Пока.

– Поехали.

Филиппос взял Полину за руку и повел по лестнице вниз. В трюме было роскошно. Красное дерево и кожа. На каждом борту ниже ватерлинии – по длинному иллюминатору, сквозь стекла которых можно было наблюдать подводную жизнь моря. Ионас и его поделщик остались снаружи, сразу за дверью. Где-то в недрах катера едва уловимо зажужжал электромотор. Тяга заставила Полину вцепиться в полированные ручки дивана. Вода в иллюминаторах забурлила. Филиппос, казалось, не обращал внимания на движение. Он открыл дверку бара и вынул оттуда бутылку шампанского. Поставил на стол два бокала, которые примагнитились к его поверхности. Хлопнул пробкой и разлил шампанское по бокалам.

– Здесь не Сеть, тебе можно, – ответил на вопросительный взгляд Полины Филиппос.

– Я не хочу, – призналась Полина.

Ей было совсем не до алкоголя. Внутри нее дрожала душа, а снаружи – колени.

– Как знаешь.

Филиппос достал еще один бокал.

– У меня есть апельсиновый сок, виноградный, персиковый... Какой будешь?

– Апельсиновый.

Филиппос налил ей сока и вставил в него трубочку.

– Угощайся.

– Спасибо. – Полина взяла в руки холодный бокал и пригубила немного.

Хозяин катера сделал несколько крупных глотков шампанского. Он ухмыльнулся. Вид зажатой Полины его забавлял.

– Для девушки с необычными способностями ты выглядишь слишком нерешительно.

– Я все та же Громова Полина и веду себя естественно в необычной ситуации. Она меня угнетает. Все, что я хочу, – это вернуться домой, к маме и папе. Отпустите меня.

– Полина, чтобы не вести бесполезных разговоров и не тратить время впустую, предлагаю разговаривать только о конструктивном сотрудничестве. Разговоров о маме и папе не надо. Ты уже большая девочка, чтобы зависеть от них.

– Я не про зависимость. Им плохо без меня. Устройте мне контакт с ними, чтобы я могла их успокоить. У меня душа не на месте. Какое может быть сотрудничество в таком состоянии?

Филиппос задумался.

– Я подумаю над этим, – пообещал он. – А пока расскажи, что ты думаешь о нас? Какими мы тебе представляемся, чего хотим?

– Вы умеете обманывать Сеть и хотите создать общество без ее надзора.

– Ммм, умница, в точку! Твои мысли или профессора?

– Мои, но они могут и совпадать с профессорскими. Уж больно все очевидно.

– Тогда ответь мне на неочевидный вопрос. Профессор Блохин был похищен или приехал к нам самостоятельно?

– Разумеется, похищен. Чего здесь неочевидного?

– А вот и нет. Профессор Блохин вышел на контакт с нами и предложил сотрудничество.

- Зачем это?
- Если ты сомневаешься, ответь мне на такой вопрос: почему он не сохранил свои знания в Сети? Зачем он затолкал их в твою юную голову?
- Он не доверял Сети, потому что считал, что вы умеете взламывать защиты.
- Тебе самой не кажется это слишком наивным?
- Я не программист и не понимаю этот процесс.
- Хочешь, я скажу тебе, почему Блохин не хранил свои опыты в Сети?
- Только если это правда.
- Самая настоящая правда. Единственная правда из всех возможных. Слушай. Опыты Блохина по нейропрограммированию шли вразрез с интересами и задачами Сети. Они были опасны ее разрушением. Сейчас Сеть находится как бы на обслуживании интересов человечества, но на самом деле она просто откармливает его, превращая в домашнее животное. Придет время, и Сеть прикончит человечество. Не в прямом смысле, но точно станет над человечеством, отведя нам роль домашней скотины. Блохин – умный ученый, гениальный, он и решил заменить компьютерную ячейку человеческой. Та же Сеть, но соединенная в общее человеческое сознание.
- А профессор подтвердит то, что вы сказали? – Полина сконцентрировалась на лице Филиппоса. Мимика должна была его выдать.
- Как сказать, у нас с профессором Блохиным одинаковый взгляд на проблему, но разный – на ее решения. Сейчас мы ищем пути сближения наших точек зрения. Для начала ему надо представить нам рабочую модель устройства записи программ в человеческий мозг и демонстрацию возможностей этих программ. Нам нужны такие люди, как ты, Полина, только гораздо больше. Кстати, кровь носом больше не идет?
- С каких пор вы начали наблюдать за мной?
- С тех самых, как профессор Блохин рассказал нам о тебе.
- Он сделал это добровольно? – Полина подумала, что ученого могли пытаться.
- Ему хватило демонстрации нашего «цеха».
- Какого цеха?
- Если ты будешь долго принимать решение о сотрудничестве, я покажу тебе его. А пока поберегу твою детскую психику. Она нам еще пригодится.
- Алкоголь заставил Филиппоса проявить свою настоящую натуру. Из галантного капитана корабля он превратился в честолюбивого, самовлюбленного психа. Полине стало очень неуютно в его обществе. Катер замедлил ход и остановился.
- Предлагаю переместиться на палубу. – Филиппос взял в руки недопитое шампанское и два бокала.
- Я не хочу загорать. Давайте вернемся?
- Пойдем, пойдем. Я покажу тебе мир, который не спит, свободный мир.
- Тон его был непререкаемым. Полина подчинилась. Катер остановился в двадцати метрах от уютной бухточки с золотым пляжем. В воде плескались человек пятьдесят. Были среди них и дети, строившие замки из песка или гоняющие по воде большие надувные мячи.
- Это свободные люди. – Филиппос помахал им. Ему ответили с берега тем же.
- На вид они такие же, как и остальные.
- Ты права, снаружи разницы нет. Она вся изнутри. Кем они себя ощущают, как проводят свои ежедневные будни.
- И как же?
- Просто. Они живут. Наслаждаются жизнью, принимают ее со всеми поворотами судьбы, радостями и неудачами.
- А что другие, разве не так?

– Абсолютно не так. Сеть создала для вас такую запланированную жизнь, что в ней нет места неожиданностям. Вот ты родилась, потом детский сад, где к тебе уже начали присматриваться, к чему у тебя склонность: лепить пластилиновые какашки или же рисовать маму и папу, похожих на разварившиеся макароны. Потом школа и более серьезный отбор. Ты думала, что выбираешь, а на самом деле Сеть присматривалась, в какой механизм тебя воткнуть, чтобы ты стала максимально полезной деталью. Потом университет, где ты получишь необходимые знания, и там же Сеть незаметно для тебя станет подсовывать тебе парня с ДНК, наиболее подходящей к твоей. Все произойдет как бы случайно для вас, но не для Сети. Она самая прожженная сваха в мире. Дальше работа, семья, заботы. Некогда думать о том, что тебя планируют. Скажи честно, часто ли твои родители устраивали спонтанные поездки или праздники без повода?

Полина задумалась. Не столько о том, что спросил Филиппос, сколько о том, что в его речах было много правды. Если подумать, то, действительно, свою жизнь люди отдали на откуп Сети. Комфорт в обмен на свободу.

– Я не помню, может быть, бывало пару раз. Точно помню, когда отцу раздробило палец, мы много чего делали спонтанно. Не могу сказать, что мои ощущения были приятными.

– Ты меня прекрасно поняла, Полина. Инерция сознания не позволяет тебе сразу перестроить свое отношение к привычным вещам. Если хочешь, я буду привозить тебя каждый день на этот пляж.

– Я так полагаю, отсюда нельзя убежать?

– Ты правильно полагаешь. Ты нам еще нужна для демонстрации своих способностей. – Филиппос посмотрел в сторону пляжа. – Можешь сказать, какую книгу читает вон тот мужчина в синих трусах?

Полина засомневалась.

– Давай смелее, мы знаем, что ты это умеешь.

– Эдгар Берроуз, «Тарзан». – Полине хватило секунды, чтобы увидеть обложку книги.

– Эй, Ионас, принеси мне бинокль.

Охранник, стоявший поодаль, бросился исполнять просьбу. Он вынес из трюма электронный бинокль. Филиппос присматривался с минуту, пытаясь увидеть надпись на обложке. Изображение с такого расстояния сильно тряслось. Ему пришлось зафиксировать руки на перилах. Наконец он поймал изображение и сделал снимок. Потом поднес картинку с изображением Полине. Она была права.

– Восхитительно, не думал, что твоим зрением удобнее пользоваться, чем электронными гаджетами. Я тоже хочу такое зрение. Я собираюсь проверить твоё ночное зрение и слух. Но мы это сделаем дома, чтобы посчитать все параметры точнее. А пока, если хочешь, можешь поплавать.

– Спасибо, но у меня нет купальника.

– Это не проблема.

– Нет, спасибо, нет желания.

– Тогда поехали обратно. Предлагаю оставшееся время провести на палубе, под солнцем и соленым ветром! – Шампанское делало из Филиппоса плохого артиста, криво изображающего гостеприимного хозяина.

У Полины тряслись поджилки от этого добродушия. Больше всего ей хотелось открыть глаза и очутиться дома. Какой дурной сон она видит! Зачем ей нужны чужие заговоры? Волей-неволей придется подчиняться Филиппосу и делать вид, что она добровольно принимает его предложения. Интуиция подсказывала Полине, что внутри человека, изображающего из себя добряка, сидят такие демоны, видеть которых себе дороже.

Катер сделал большой круг и стал резко набирать скорость. Волны перед его носом разбивались в мелкую пыль, и в ней светилась радуга. В море было полно кораблей. Полина без

труда нашла «Санта-Марию», которую видела с балкона темницы. Ей стало интересно понять, кто эти люди: подчиненные Филиппоса или ничего не подозревающие подданные Сети? Каков был соблазн попасть на их корабль! Филиппос не рискнул бы угонять судно, на котором окажется слишком много народа. Мозг заработал, ища варианты побега.

Филиппос отправил Ионаса за второй бутылкой шампанского. Полине принесли персиковый сок. Жидкость уже не лезла внутрь. Полина села по направлению движения катера. Ветер раздувал ей волосы и трепал одежду. Аналитическая программа никак не хотела выдавать подходящего ответа. Не исключено, что мирный островок Филиппоса – самая надежная тюрьма в мире. Все, что существует вне Сети, как бы не существует совсем – как миф, как история про загробную жизнь.

– Эй! Как тебя там... – Пьяный Филиппос отпивал шампанское из горлышка бутылки. – Я свожу тебя в цех сегодня, прямо сейчас, как вернемся. Нечего тянуть резину. – Он сделал продолжительный глоток, еле проглотив его и тут же отрыгнув газы. – Чем раньше у нас будет мотивированный союзник, тем лучше.

Полина не представляла, что такое цех в понимании Филиппоса. В ее привычном представлении цехом называлось белое светлое помещение, в котором роботы собирали технику, мебель, детские игрушки. В устах сумрачного гения это слово приобретало зловещий оттенок.

Катер причалил к пирсу. Полине снова надели наручники и вывели на сушу. Филиппос смотрел на девушку пьяными глазками, в которых читалось предвкушение от события, которое он ей приготовил. Полине было не по себе. Она заранее не хотела этой экскурсии.

Ее снова завели в дом, где она впервые увидела Филиппоса, надели на голову мешок и повели по туннелям. В этот раз повороты были другими, но закончились они лифтом, который, судя по ощущениям, поехал вниз. Снова туннели. Запах сырости. Шум отъезжающей двери на вакуумном приводе. Резкий свет после того, как с головы сдернули мешок.

– Добро пожаловать в цех, работники которого отдают жизнь, чтобы сделать этот мир немного свободнее.

Полина стояла в ярко освещенной пещере на металлической платформе, прикрепленной к стене в пяти метрах над полом. Над головой висели могучие железные балки, к которым были подвешены светильники и жгуты проводов толщиной в руку Ионаса. Внизу, в несколько рядов, длиной метров в пятьдесят каждый, располагались ряды столов с оборудованием. За каждым столом сидел человек. Их были сотни. Полина догадалась, что это тот самый плацдарм, где люди с помощью технологии сопряжения человека и компьютера отвоевывают у Сети свое право быть самостоятельными. Так, как они это понимают.

Филиппос смотрел на Полину и улыбался. По его глазам Полина поняла, что он ждет от нее реакции. В принципе, она готова была увидеть что-то подобное. На всякий случай Полина приблизила картинку с работающими людьми и чуть не потеряла сознание. То, что сверху выглядело как обычная работа за терминалом, оказалось совсем не тем. У людей не было верхней части черепной коробки. Вместо нее – банка с прозрачной жидкостью и идущие от нее провода к компьютерам. Люди сидели в одной позе, бледные и безжизненные. На их лицах проступали сиюминутные эмоции, но даже улыбка на лице с обнаженным черепом выглядела ужасающе.

Филиппос прочел в глазах девушки страх, отвращение и жалость.

– Что поделать, технологии несовершенны. Как только профессор Блохин явит нам свои знания в работающем материале, мы сможем закрыть этот цех. А пока эти самураи компьютерного кода сражаются с системой не жалея себя. Каждый из них обречен погибнуть. Человеческий мозг не предназначен для обработки двоичного кода долгое время. Быстро изнашивается.

– Они все... умрут?

– К сожалению, да. Кто-то сегодня, кто-то через неделю. Новенькие – через пару месяцев. Нам нужен прогресс, и ты нам его обеспечишь. Мы нуждаемся в языке программирования,

изобретенном Блохиным. Он намного безопаснее для человеческого мозга, и ты это подтверждаешь. Кровь из носа не в счет.

– Вы прикрываетесь благородными идеями, но творите зло! – Сдержаться было невозможно.

Эмоции и слезы душили Полину. Нельзя было осознать, что в такое спокойное время где-то в пещере находятся сотни людей со вскрытыми черепами. И еще удивительнее, что перед ней стоит человек, оправдывающий использование людей в преступных целях и фактическое убийство в процессе этого.

– Они не мучаются. Им хорошо. Вместе с питательным раствором они получают наркотик. Для них работа в Сети – мощный кураж. Короткий режим Бога. Полное всемогущество. – Филиппос попытался смягчить первые впечатления Полины.

– Это... это... нельзя так. Это неправильный метод. – Полина говорила сквозь слезы. – Вас же учили, что добро приумножает добро, а боль приумножает боль. Вы плодите зло!

– Вот только оставь свои метафизические рассуждения при себе. Это догма современного общества, которую запрещено опровергать. Я скажу тебе так: ты получаешь то, к чему стремишься, независимо от методов. Это человек придумал добро и зло для описания своего отношения к миру. Вне человека ничего этого нет. Исчезни человек – не будет и всех тех явлений, что он придумал. – Глаза Филиппоса заблестели. – А тебе, девочка, лучше выбрать мою сторону добровольно, иначе... – Он повел глазами вниз.

Полина не могла ничего ответить. Слова застряли в горле из-за захлестнувших эмоций. Ее психике был нанесен сокрушительный удар. Она прикоснулась к такой невероятной извращенной жестокости, что это ввело ее в ступор. Перед глазами против воли возникали розовые мозги, просвечивающие через стекло колпаков. Внезапно подступила тошнота. Полину вырвало прямо на пол. Филиппос скривился в улыбке. Кажется, его удовлетворила реакция девушки.

– Все, уходим! – скомандовал он.

Глава 5

Полина пришла в себя на балконе. Вскрытые черепушки наперекор всему лезли в глаза. Волны ужаса накатывали, как только приходило осознание, что она видела их вживую, что все это правда. Психика готова была надломиться, угрожая непредсказуемыми последствиями. Выручил Блохин, заметивший, что Полина чересчур бледна и находится не в себе. Он протянул ей стакан с водой и бросил в него шипучую таблетку.

– Выпей и успокойся. Тебя водили в цех? – предположил профессор.

Полина кивнула.

– Какой он идиот, этот Филиппос, инквизитор, варвар! Тебе нужно выспаться, Громова. Не насилуй свое сознание. Попробуй выбросить это из головы.

Блохин взял Полину под руку и провел ее на свой гамак. Девушка вела себя как кукла, с трудом переставляла ноги и послушно выполняла просьбы профессора. Блохин придержал зыбкую постель, чтобы она смогла на нее забраться, и поставил ширму, закрывающую от солнца и назойливых чаек. Таблетка подействовала, и Полина уснула.

Она проспала оставшийся вечер и всю ночь и проснулась от запахов. Профессор готовил завтрак. Голова была тяжелой, а на душе лежал камень. Первые мгновения после сна Полина не помнила о причинах его появления, но потом розовые мозги под колпаками снова полезли в глаза. Пришлось приложить усилия, чтобы избавиться от этих видений.

Она отодвинула ширму и спустила ноги на пол. Профессор самозабвенно готовил гренки и вздрогнул, когда Полина заговорила.

– Доброе утро, профессор! – произнесла она, скрипнув ножками стула, выдвигаемого из-под стола.

– О, ты проснулась! Чего нам не хватает в Сети, так это возможности готовить самостоятельно. Смотри, какие вкусные штуки получаются из хлеба.

На блюде лежали несколько остывающих гренок. Некоторые из них были явно пережарены. Блохин положил последние четыре гренки и начал готовить кофе.

– Тебе без кофеина и со сливками? – спросил он заботливым тоном.

Полина просто кивнула. Ей было все равно, какой кофе пить. В свете последних событий бытовые запросы казались сущей ерундой. Профессор поставил перед ней кружку. Ароматный пар задвинул тревожные мысли на задний план. Гренка оказалась приятной на вкус, хотя и жестковатой. Профессор тоже сел за стол и захрустел. В отличие от Полины, он наслаждался завтраком. Рассматривал гренки перед тем, как откусить, и громко выдыхал после каждого глотка кофе.

– Не драматизируй, Полин. Мы с тобой в более привилегированном положении. Мы им нужны. Ты – как уникальный носитель знаний, я – как ученый.

– Это страшно! Это как в фильме ужасов, только по-настоящему! Он извращенный садист, монстр!

– Тихо, тихо, Полин. – Блохин положил свою руку поверх ее и многозначительно поводит глазами по балкону, показывая, что их видят и слышат. – В истории человеческой цивилизации были и не такие жестокости. Инквизиция, фашизм, медицинские опыты... В человеке еще дремлет первобытность. Нет-нет да и пробивается наружу. Мы отвыкли от этого, забыли, как противодействовать.

– Филиппос мне сказал, что вы сами вышли на него?

Блохин вздохнул и замер, так и не дожевывая кусок гренки.

– Я его вычислил. Подумал, что это такой же ученый, как и я. Когда понял, кто он на самом деле, было уже поздно. А тут ты со своим экзаменом. Прости, что я, старый дурак, поддался искушению ввязать тебя в это дело. Я никогда себе этого не прощу.

– Ладно, Владимир Константинович, будем решать уравнение с имеющимися переменными. Прокрастинация нам никак не поможет. В конце концов... – Полина повысила голос, – мы можем и не знать, что стоим на пути прогресса, который приведет человечество к светлому будущему.

Блохин догадался, что Полина изображала для тех, кто подсматривал и подслушивал.

– Это меня и заставляет трудиться в поте лица.

Завтрак закончился. Полина немного успокоилась. Вскрытые черепа потеряли яркость и уже не так пугали. Полина анализировала поведение Блохина и пришла к выводу, что он не в сговоре с Филиппосом. Вчера она не была уверена в этом. Профессор пытался вести свою игру, но в условиях изоляции сделать это было трудно. Каждое их слово и движение разбирались шпионящими компьютерами, и всякий полунамек мог быть интерпретирован как попытка сговора.

– Отдохни до обеда, посмотри телевизор. – Профессор сделал едва уловимый намек на последнем слове.

Полина сразу поняла, что телевизор надо посмотреть обязательно.

– Я тебе тут апельсинов выпросил, отличный местный сорт, а потом можешь почитать книгу. Во второй половине дня попробуем протестировать оборудование. Ну все, удачи! – Профессор исчез за бесшумной дверью.

«Телевизор, апельсины, книга» – аналитическая программа выделила три слова, расставив их именно в той последовательности, в которой их произнес профессор.

Полина не сразу включила телевизор. Она прошла вдоль перил, любясь морем. Навела легкий маршфет в творческом беспорядке, а потом, будто устав, плюхнулась в кресло из ротанга и включила телевизор неудобным пультом. Фильм снова начался откуда-то с середины. Неизвестные персонажи обсуждали то, что было в начале фильма. Полина не смогла уловить смысла, просто таранилась в мелькающие картинки. Тоска смертная. Ее хватило на полчаса. Выложенные перед ней в вазу апельсины отвлекали от просмотра.

«Пора», – решила Полина и взяла первый апельсин.

Она чистила его аккуратно, боясь проглядеть послание от профессора. Напрасно, апельсин был обычным, без сюрпризов, и очень вкусным. Полина съела еще два, разглядывая кожуру и разделяя дольки перед тем, как положить их в рот. Ни в одном из них не встретилось ничего необычного. Профессор оказался прав, сорт был отличным и мало походил на апельсины из магазина. Так и не разобравшись с первыми двумя загадками, Полина решила почитать книгу. Книга по психологии, как специально, лежала на самом виду. Не самое любимое чтение, но профессору виднее.

Полина пробежалась глазами по введению, открыла первый раздел. Ничего необычного. Попробовала вчитаться между строк, понять тайный смысл. Безрезультатно. В голове вертелся триумвират слов: телевизор – апельсин – книга. Что в мудреной голове профессора были за мысли? Думает ли он так же, как и Полина? Если нет, то и намеки его могут значить совершенно иное. Телевизор... у него одна функция – показывать. Это Полина сделала. Апельсин – фрукт, можно съесть, можно сделать сок. Полина представила апельсин и стала придумывать с ним еще какое-нибудь привычное действие. Ничего не придумывалось.

Снова взяла в руки книгу. Открыла на середине и попробовала просто вычитать кусок текста и понять его. С глазами произошло что-то странное. Пропала резкость. Текст слился в темные полосы. Полина протерла глаза. Стол и апельсины на нем выглядели нормально, как всегда. Снова посмотрела в книгу. Строчки снова слились в нечитаемые полосы. Полина взяла себя в руки. За ней же наблюдают.

Она умела пользоваться развитым зрением, что ей стоило навести нормальную резкость! Она сфокусировалась, но как-то странно. Из строчки выделялась четко только одна буква, и это была «П». Полина глубоко задышала, чтобы успокоиться. Снова посмотрела в книгу.

Резкость пропадала, пока глаза не натыкались на букву «П». Полина начала догадываться, что профессор запустил в ее голове странным алгоритмом еще одну программу. Хорошо, пусть будет «П». Внутренне она проговорила эту букву, как первоклассник, которого учат читать.

П сразу пропала, зато появилась *р*. «Пр» – запомнила Полина. Следующей буквой стала *и*. «При», потом *в*. «Прив». Кажется, Полина догадалась, какое слово увидит. Как только она произнесла про себя: «Привет», снова появилось *П*, потом *о*, потом *л*. «Полина», – догадалась девушка. Полина поняла, что от нее требуется, и принялась читать.

«Привет, Полина. Чтобы не раскрыть себя, вынужден загрузить программу для общения. Сотрудничать с Филиппосом не намерен. Позже я устрою тебе побег. Большинство программ в твоей памяти активируются мыслеобразами, как апельсин для активации программы секретного чтения. Знаю, что многое из того, что я тебе заложил, ты не используешь по причине необычности этих способностей. Самая необычная из них – это программа-бустер, ускоряющая скорость обмена сигналами в нервной системе. Благодаря оптимальному пути сигнал от рецепторов в мозг или наоборот может ускоряться в десятки раз. На пике работы программы ты замечаешь, что мир вокруг тебя живет гораздо медленнее, чем ты привыкла видеть. Очень полезное свойство, активируемое образом вспышки молнии. Будь осторожна, программа сильно нагружает мозг. Пользуйся ею в крайнем случае и только непродолжительное время. Еще одна программа касается нервной системы. Ты можешь увеличивать чувствительность рецепторов, а можешь снижать ее до полного отсутствия реакции. Я разработал эту программу специально для тайного общения, которое не может отследить ни Сеть, ни Филиппос. У тебя в памяти есть азбука, похожая на азбуку Брайля для слепых. С ее помощью и чувствительных окончаний на кончиках пальцев ты можешь читать послания от меня или оставлять их сама. Можешь сейчас представить слепого и почувствовать, как просто управлять своей нервной системой, а потом прикоснуться к странице книги и почувствовать, какие у нее выпуклые буквы. На этом пока все. Делай вид для Филиппоса, что готова сотрудничать, чтобы у меня было время создать условия для побега. Раздобудь немного крепкой эластичной ткани. Скажи Филиппосу, что хочешь сделать себе свой гамак».

Полина небрежно отложила раскрытую книгу на стол, как будто чтение утомило ее. Попробовала представить себе незрячего человека. На ум приходили какие-то гипсовые скульптуры из античного прошлого. Менялись перед глазами, но Полина точно знала, что те, с кого их лепили, не были слепыми, просто это была такая манера лепить глаза, которые с детства казались ей бельмами. Головы двигались как по конвейеру, пока перед глазами не встала голова Гомера. Древний сказитель точно был слепым. Сразу пришло ощущение, что можно управлять рецепторами. Виртуальные «крутилки» в сознании стояли в среднем положении. При повороте влево они убавляли чувствительность, вправо – прибавляли. Полина подумала про правый указательный палец и провернула «крутилку» вправо, на усиление чувствительности. Удивительно, но она почувствовала сквозняки подушечкой пальца. Снова взяла книгу в руки и сделала вид, что водит пальцем под строчкой, которую читает. Палец буквально спотыкался о выступающие буквы. Кожа на пальце, вдруг ставшая чересчур нежной, болезненно отреагировала на прикосновения. Программа отлично работала и могла пригодиться в будущем.

Полине не терпелось проверить, как действует программа-бустер. Если все так и есть, как сообщил профессор, то у нее будет огромное преимущество перед любым противником. Полина представила разряд молнии над лесом – картинку, которую часто видела в детстве из окна своей спальни. Ничего не произошло ощутимого. Никакой рубильник не включился. Как себе представить ускорение сознания? Полина закрыла книгу, подняла ее перед собой и бросила на стол. Книга упала с обычным ускорением. Возможно, профессор не сказал ей, что нужно немного потренироваться, чтобы заметить результат.

Разочаровавшись в надежде сразу получить интересную способность, Полина решила, что пришло время немного подкрепиться. Программы, разработанные профессором, всегда расходовали больше энергии организма, чем способности, выработанные в человеке эволюцией. В холодильнике лежали сыр, овощи, остатки хамона, пакет молока, гроздь винограда. Организм требовал белка и быстрых углеводов, для чего подходили хамон и виноград. Полина взяла кусок вяленого мяса и блюдо с виноградом. Закрыла ногой холодильник и понесла еду к столу.

Едва она ее поставила, как на балкон залетела чайка. Она явно караулила момент, когда можно будет полакомиться съестным. Полина увидела ее боковым зрением и успела только повернуться с мыслью не попасть под ее острый клюв. В следующее мгновение случилось удивительное – чайка стала терять скорость. Крылья заходили медленными зигзагами. Птица будто останавливалась в воздухе. Привычное сознание подкинуло мысль, что на такой скорости невозможно оставаться на лету, она должна упасть. Но чайка держалась и, хищно вылупив глаза, направлялась к блюду с виноградом.

Наглость этих птиц порядком надоела Полине. Хоть они и делили с ними один склон горы, но Полина не лазила к ним в гнезда за яйцами. Шея чайки поравнялась с рукой Полины. Едва мысль поймать птицу коснулась сознания, как рука уже выполнила приказ. Теплая пульсирующая шея забила под пальцами. Чайка хотела издать звук, но не смогла протолкнуть его через сжатое горло. Птица испуганно забила крыльями. Полина еще секунду непонимающе смотрела на нее, приходя в себя от новой способности. Как только она расслабилась, время снова вошло в привычный ритм.

Чайка лупила крыльями по рукам и шипела. Полина отнесла ее к перилам и перекинула через них. Птица полетела вниз и только у самой воды пришла в себя и начала полет. Еще не веря в то, что такое возможно, Полина с недоверием посмотрела на свои руки, вытворяющие команды со скоростью света. Напоминанием о невероятной реакции осталась только несильная боль в локте из-за потянутого сухожилия. Для безопасного использования этого умения необходимо было тренироваться.

Филиппос снова прокрутил момент, где пленница хватала чайку за шею. Замедленная в сто раз съемка давала представление о том, что может «улучшенный» человек. Вначале девушка совершенно обычно пыталась увернуться от наглой птицы, а потом молниеносно схватила ее, как будто вспомнив, что умеет так делать. Разница между нормальным и быстрым движением была колоссальной. В замедленном воспроизведении скорость выброса руки выглядела естественной, как при обычной записи. Значит, как минимум в сто раз быстрее нормальной реакции. Филиппос еще раз оценил гений Блохина.

Профессор явился в обеденный перерыв. Полине очень хотелось рассказать ему, что она поняла его намек и теперь знает о себе гораздо больше. Но, помня о том, что за ними следят, она боялась выдать связь между ней и ученым. Блохин как будто специально не смотрел на Полину, чтобы не провоцировать ее. Он приготовил быстрый обед из полуфабриката, поставил его на поднос вместе с двумя пустыми бокалами для сока и понес к столу.

Полина, как голодный птенец, ждала его, забавляясь ложкой – искала равновесное состояние, положив ее поперек пальца. Профессор дошел до стола и неловко споткнулся, поднос качнулся, и стаканы полетели вниз. Полина испугалась, и этот страх тут же проявил себя рядом молнии. Стаканы словно попали в тягучий плотный воздух. Полина подхватила их и поставила на стол. Как только она поняла, что бояться больше нечего, все встало на свои места.

– Фух, чуть не угробил наш обед! – Профессор опустил поднос на стол. – Спасибо, что поймала.

Он произнес это обыденно, как будто не заметил, с какой скоростью Полина поймала бокалы. Филиппос не должен был понять, что профессор и его студентка начинают свою игру. Не так сразу.

– Еле успела, – подыграла Полина. – Какие у нас планы на день?

– Будем тестировать оборудование. Рабочий образец у меня есть, посмотрим, что он может.

Больше за обедом ни о чем не разговаривали. Блохин думал о том, что Филиппос теперь увидел новые способности Полины и начнет торопить его с рабочим образцом. Если бы он знал, что образец давно готов и спокойно работает на допотопном телевизоре! Через него, посредством кодированного мерцания, девушка и получила программу секретного чтения. Такой способ программирования людей в дурных руках был очень опасен из-за своей возможности влиять на огромные массы одновременно. Надо было торопиться с побегом Полины.

Полина, в силу молодой бесшабашности, больше всего думала о своих новых способностях. О том, что будь они у нее раньше, она непременно стала бы лидером волейбольной команды в школе или могла бы выигрывать споры, читая с закрытыми глазами. Мысли о побеге тоже занимали ее, но она надеялась, что профессор все устроит и ей нужно только дождаться удачного момента. Пока она забавлялась тем, что пыталась замедлить время. Для этого, помимо «Молнии», требовалось подспудное понимание необходимости данной способности. Страх прекрасно запускал настройку, переводя ее в максимальное положение. Полине хотелось пользоваться способностью дозированно, чтобы не возникало ощущения, будто руки пытаются вырваться из тела.

Блохин допил сок и хлопнул ладонями по столу.

– Пора! – объявил он.

В зале, наполненном гудением работающего оборудования, их ожидал Филиппос. С ним были новые, но не менее грозные телохранители. Естественно, сюда его привела демонстрация новых способностей Полины.

– Я буду присутствовать во время опыта, – объявил он. – Мне хочется наблюдать своими глазами, что у вас все идет как надо. Как надо мне.

– Не смею возражать, – учтиво согласился Блохин.

Полину посадили в кресло напротив гудящего аппарата с объемным экраном. Профессор намазал ей виски какой-то жидкостью и надел на голову ободок, упирающийся концами в виде пончиков как раз в виски. На запястье прикрепил ремешок с датчиком сердцебиений. Полина помнила, что никаких подобных действий в университете в тот злопамятный день профессор с ней не проводил. Девушка знала, что так надо, и была совершенно спокойна.

Блохин выбирал на экране параметры, дергал провода. С его губ слетали только звуки, похожие на работу двухтактного моторчика: «Так-так, так-так-так». Затылок горел от ощущения взгляда Филиппоса.

– Кажется, все готово, – произнес профессор. – Будем пробовать? – спросил он у него.

Полина не видела этого, но поняла, что Филиппос дал отмашку. Профессор включил оборудование и пристально уставился на Полину. Она не чувствовала никаких изменений. Виски слегка покалывало, но это могло сработать самовнушение. Потом мир начал разъезжаться, стены потекли в одну сторону, лицо профессора – в другую. Оно было комичным и испуганным одновременно.

– Полина, тебе плохо? – услышала она последнюю фразу ученого перед тем, как потерять сознание.

В себя она пришла в кровати в незнакомом помещении. От всей комнаты ее закрывала белая ширма, как в больнице. Подвигала руками и ногами, пошевелила головой. Организм был в порядке, никаких неприятных ощущений, наподобие тех, которые она чувствовала, когда ее усыпили снотворным. Полина напрягла слух. В комнате находился еще один человек, и он сопел во сне. Полина бесшумно села и потянулась к окну, расположенному справа от нее. Кровать предательски скрипнула. Сопение затихло, раздался шум отодвигающегося стула. Часть ширмы ушла в сторону, и в проеме появился Ионас.

– Пришла в себя?

– Пришла.

– Вытяни руки вперед! – приказал громила.

Полину рассмешил его страх перед ней.

– Идет коза рогатая за малыми ребятами! – Полина сделала пальцами козу и направила ее в сторону громилы.

В глазах Ионаса появился страх и растерянность.

– Сидеть! Я сказал! Руки вперед!

Полина подчинилась. Ни к чему было пугать охрану, иначе она могла усилить бдительность. Самозатягивающийся наручник вжикнул электрическим натяжителем. Ионас резко поднял Полину, компенсируя свой недавний страх грубой силой, и потянул в коридор. Полина успела разглядеть вид из окна. Коридор был выше балкона, на котором она жила. За окном «больницы» раскинулась большая поляна, состоящая из клумб и дорожек, а за ней – далекая синяя полоска моря.

Ионас завел девушку в лифт и уже там накинул ей на голову непрозрачный колпак. Лифт пошел вниз и вскоре остановился. Они вышли из него и сделали еще пару поворотов. Скрипнула дверь, и в нос ударил знакомый запах зала с оборудованием. Ионас снял колпак и наручники. Перед Полиной стоял профессор Блохин. В его испуганных глазах отражалась тревога и страх.

– Как ты? Как себя чувствуешь, Полина? – Профессор потрогал ее лоб и оттянул девушке конъюнктивы.

– Что со мной произошло? Я ничего не помню. Все расплылось перед глазами, а потом я очнулась на кровати, в месте, похожем на больницу.

– Что-то пошло не так. С тобой случился эпилептический припадок. Тебе едва успели ввести лекарство.

– Я могла умереть? – Полину прошиб пот.

– Если бы мы опоздали на минуту, то неминуемо. Мы дадим тебе немного времени восстановиться. – Блохин надел девушке медицинский браслет. – Иди на балкон, тебе нужно побыть на свежем воздухе.

Профессор показал Ионасу, что его работа закончилась. Он немедленно удалился. Блохин взял Полину за руку и помог ей выйти на балкон. Она чувствовала себя отлично, но не стала мешать профессору проявлять заботу.

– Какой я был слепец! – запричитал Блохин. – Я не заметил, что перепутал элементы кода. Хорошо, что ты осталась жива, иначе я не простил бы себе такой глупости. Какой слепец...

Полина немного изучила натуру Блохина и стала понимать, что профессор некоторые слова произносит специально, чтобы заострить на них внимание. «Слепец» – было произнесено намеренно.

– Отдыхай. Филиппос дал время на отладку, поэтому еще пару деньков я не буду тебя трогать. Он испугался, что сможет потерять тебя. Пока твои знания не сохранили на жесткий диск, ты для него самая дорогая ценность. Ну, отдыхай. – Профессор развернулся к дверям. – Какой слепец!

Блохин ушел. Полине не терпелось понять, в каком виде профессор оставил ей послание. Скорее всего, это было написано его азбукой для слепых, но как понять, на чем он его оставил? Полина заставила аналитическую программу поискать намеки. Если у самого профессора была установлена аналогичная программа, то и заложенная в нее должна была работать по тому же алгоритму. Полина прогулялась по балкону. Взяла из вазы персик и, встав у перил, стала искать взглядом в творческом беспорядке скрытые послания.

На первый взгляд – хаос. Возможно, штаны профессора, которые он не донес до стиральной машины, указывали направление разгадки? Нет, они лежали так и раньше и ждали,

когда Полина сама отправит их в стирку. Табурет, письменные принадлежности, небрежно разбросанные по столу, ваза с фруктами... Где-то в сознании щелкнуло, что письменные принадлежности могут содержать полезную информацию. Полина подошла к столу и рассмотрела, как лежат ручки, карандаши, ластик, циркули и линейки. Профессор считал, что в работе на бумаге скрыта половина дела. Подготовительную часть он всегда проектировал на ней. Из всей кучи беспорядка выделялся остро заточенный карандаш. Полина приняла его за вектор и посмотрела, куда указывал его кончик.

Направлен он был на письменный стол. Полина взяла новый персик и пошла в указанном направлении. На нем лежали несколько папок с бумагами, первые наброски ученого. На одной из папок валялись наручные часы профессора. Часы были старинными, стрелочными с механическим заводом и не работали. Стрелки замерли на 6:45. Полина заметила на папках числа, подписанные в правом верхнем углу. Была папка и с цифрой 6. Для порядка Полина перетрогала все папки, но взяла в руки шестую.

Полина расположилась в кресле и будто из праздного любопытства принялась перелистывать страницы. Со стороны казалось, что девушка просто рассматривает каракули профессора. На самом деле она отсчитывала страницы. Наконец, сорок пятая. Полина воспроизвела в уме гипсового Гомера и подкрутила чувствительность указательного пальца. Ветерок и вибрации мира задрожали под его чувствительной подушечкой. Полина прикоснулась пальцем к странице. Она была вся в маленьких выпуклых точках. Нормальное зрение их совершенно не улавливало.

Полина поставила палец в левый верхний угол и повела им по странице. «Полина, никакого эпилептического припадка у тебя не было. Я создал его имитацию, потревожив некоторую часть головного мозга. Нам нужно выиграть немного времени для твоего побега. Я изготавливаю на объемном принтере модель планирующего костюма. Чтобы меня не поймали, я создаю мелкие детали, якобы для аппарата, передающего информацию из мозга на компьютер. Когда костюм будет готов, ты сможешь выпрыгнуть с балкона и достичь места, где есть Сеть. Это рискованно на первый взгляд, но это возможно. Я уверен, что Филиппос не остановится и пошлет за тобой погоню или иными способами попытается вернуть. Втайне используя некоторые технологии Филиппоса, преуспевшего больше меня в соединении человека с компьютером, и улучшив их, я создал передатчик, способный маскировать человека, делая его невидимым для Сети. Я настроил его на тебя. Перед побегом ты его получишь».

Полина провела пальцем до конца страницы. Чувствительная кожа спотыкалась о следы карандаша, но текста больше не было. Сердцебиение участилось. Полина убрала папку в сторону. Прыгать со скалы, даже в специальном костюме, чудовищно страшно. Сама по себе мысль о побеге грела душу и не давала расклеиться, но вот прыжок со скалы в воду Полиной не рассматривался. Она надеялась, что Блохин устроит что-то вроде тихого исчезновения на лодке. Видимо, такой вариант был неосуществим.

Полина решила с этой минуты начать морально готовиться к тому варианту побега, который предложил профессор. Для этого она подошла к перилам и попыталась спокойно принять высоту, с которой ей предстояло прыгнуть. Внизу, метрах в двухстах под балконом, громко крича, переливалось облако чаек. От чаек до воды было еще метров двести, а может быть, и больше. И поговорить открыто на эту тему с профессором не было никакой возможности. Обсуждать план побега вслух – значит заранее отказаться от него. А с другой стороны, выхода оставалось всего два: побег или сидеть со вскрытой черепушкой подключенной к Сети, обслуживая нужды Филиппоса. Полина была за побег с любой вероятностью риска.

Профессор два дня ходил в полном молчании, задумчивее, чем обычно. Хмурая тень не сходила с его лица. И спросить было нельзя, связано ли его состояние с планами побега. Полина все же решила зайти издали:

– Владимир Константинович, вы не приболели?

– С чего ты взяла, Полина? Местный климат очень благоприятствует хорошему самочувствию. У меня прекрасное состояние: и душевное и физическое. Мыслями весь в работе, оттого тебе могло показаться, что я нездоров. Хотя от зеленого чая для повышения тонуса не откажусь. Завари мне, пожалуйста.

Полина бросилась исполнять просьбу профессора. На полке у них стояли банки с кофе, сахаром, солью и жестяная коробочка с зеленым чаем. Полина подняла крышку и мельком заметила, что на ее внутренней поверхности приклеен маленький кусочек бумажного листка. На нем была надпись: «8:23». Полина сразу поняла, что это значит. Незаметно для камер, прикрывшись от их всевидящего глаза спиной, Полина сорвала бумажку, скрутила ее в маленький шарик и сунула в карман. Заварила чай и подала профессору.

– Спасибо, очень вовремя, – сказал профессор про чай, но Полине показалось, что он имел в виду совсем другое.

Папка под номером 8 была самой свежей. Как только профессор ушел, Полина, под видом протирания пыли, добралась до этой папки. Отсчитала страницу 23 и приступила к «слепому» чтению.

«Костюм для прыжка готов. Я занесу его вечером, под видом оборудования. На упаковке будет вся инструкция по применению костюма и дистанционного передатчика, а также рекомендации на первое время. Крепись, ждать осталось недолго».

Полина еще раз провела пальцем по тексту. Как же было страшно, хоть отказывайся и принимай свою судьбу. Как только малахольные мысли полезли в голову, Полина вспомнила про родителей. Их убитые горем лица сразу придали решительности. Чтобы не испытывать себя на крепость, Полина решила больше не подходить к перилам и не ужасаться лишней раз бездне за ними. Она точно знала, что в эту ночь спать ей не придется.

* * *

Чтобы следящие камеры не заметили, как Полине не спится, ей приходилось тратить всю силу воли на то, чтобы не ворочаться. Беспокойство так и подмывало менять положение тела. Из-под одеяла Полина одним глазом подсматривала за профессором. Кажется, он спал. Ну да, это не ему прыгать с утра в полукилометровую бездну. Еще ее взгляд постоянно оставался на коробке, в которой лежал костюм. Профессор нанес на него текст, написанный его азбукой для новой способности Полины. Текст запомнился до буквы: «У тебя будет несколько минут до того, как охрана поймет наши намерения, поэтому запомни все, что прочитаешь. Костюм фиксируется на запястьях и щиколотках. Из себя он представляет аэродинамическое крыло, позволяющее планировать. Для этого надо вытянуть руки в стороны и развести ноги. По моим расчетам, при удачном толчке ты пролетишь около пяти километров. Перед контактом с поверхностью воды дерни кольцо, которое у тебя будет на левом запястье, это прикроет тело перегрузочным экраном от сильного удара. Перед ударом сложи руки вдоль туловища и сведи ноги. Используй задержку дыхания. Костюм поможет тебе и в воде, позволяя плыть с большой скоростью. Поднимайся на поверхность, только чтобы набрать воздуха. Тебе нужно будет проплыть еще пять километров, это потребует многих сил, так что будь готова к большим нагрузкам. Дальше этого расстояния Филиппос не сунется. Теперь о передатчике. Филиппос попробует тебя снова выкрасть или по крайней мере сделать так, чтобы о тебе никто не знал, поэтому придется стать невидимкой. Мой передатчик позволяет сканировать идентификаторы камер, сенсоров и прочих устройств, запросы которых анонимны для Сети. Ты сможешь посредством мысленных команд подключаться к подобным устройствам анонимно. Это позволит тебе выключать приборы, фиксирующие твои передвижения, а также использовать их для собственных нужд, смотреть глазами камеры или управлять автомобилем самостоятельно. Сеть не заподозрит подмены. Передатчик защит на твою ДНК. В чужих руках прибор будет

просто бесполезной штукой. Вроде все. Береги себя. Не пытайся искать контакта со мной. Как доберешься домой, оповести службы о том, что видела. Удачи!»

Засинела полоса новой зари на горизонте. С моря потянуло свежестью. Полину начало колотить, то ли от холода, то ли от страха. В ближайшие часы все должно было решиться. К такому жизнь ее не готовила. Полина собиралась прошагать по ней легко, согласно разработанному Сетью плану. Из нюансов были отношения с потенциальным мужем и потомством, все остальное оставалось понятным и давно выбранным. Профессор неожиданно зашевелился и сел на своем гамаке. Он посмотрел на Полину и заметил ее мерцающий взгляд из-под щелки между одеялом и простыней. Блохин встал, прошелся до кухонного уголка и поставил чайник.

– Зябко становится на улице спать, – произнес он, оправдывая ранний подъем перед камерами. – Одеяла надо просить шерстяные. Только в этих краях не слышали про такие.

Профессор гремел посудой, что-то бубнил под нос. Ему тоже было тревожно, и он разряжался подобным образом. Полине тоже хотелось встать, но под одеялом было уютнее, и она даже уснула под монотонный бубнеж профессора. Она этого не заметила и почувствовала только, как ее тронули за плечо. Полина даже напугалась того, что незаметно уснула.

– Пойдем, немного горячего чаю с сахаром тебе не повредит.

Небо разгоралось желтым горизонтом. Воздух потеплел. На балконе стоял приятный запах свежих гренков. Как только Полина вспомнила, что ей предстоит, зубы сразу принялись отбивать чечетку. Она села за стол и обхватила себя за плечи.

– Свеж-ж-жо! – произнесла она сквозь стук зубов.

– Осень, – объяснил Блохин.

Полина заметила, что, когда профессор наливал чай, его руки мелко тряслись. Он тоже волновался, и, может быть, не меньше Полины. У нее есть шанс сбежать, а профессор вынужден остаться. Об этом он с Полиной не разговаривал, но и с начальными понятиями по психологии было понятно, что у профессора здесь есть дела, которые он хочет закончить. Полина только догадывалась, что Блохин знает Филиппоса давно, и именно благодаря профессору тот смог создать маленький свободный мир с большими возможностями и амбициями. Профессор оставался, чтобы исправить свои ошибки. Он понимал, что рискует жизнью, оттого и тряслись его руки.

Горячий чай унял трясучку. Гренки не лезли в горло. Ранний завтрак наверняка напряг тех, кто следил за ними. Они могли проанализировать и получить большую вероятность того, что на балконе что-то затевается.

– Так, Полина, буду говорить открытым текстом. Времени у нас минут пять, одевайся, – произнес Блохин.

Раньше Полины профессор схватил коробку, открыл ее и вынул костюм. Сердце Полины зашлось от неожиданности. Кровь застучала в ушах. Блохин взял левую руку девушки и закрепил широкий ремешок на запястье, потом на правой руке, на груди, вокруг поясницы, затем на ногах. Полина подчинялась, не имея сил что-то спросить. Профессор закончил и осмотрел девушку.

– Руки в стороны! – потребовал он.

Полина развела руки и почувствовала, как ткань, внутри которой находился плоский металлический скелет, превратилась в упругое крыло.

– Назад!

Полина, поборов сопротивление упругого скелета, сложила руки вдоль туловища. Ткань повисла за спиной.

– Ноги в стороны!

Полина развела, и ткань между ног тоже превратилась в жесткое крыло.

– Вместе!

Костюм работал.

– Запомни, с этим костюмом в воздухе ты птица, а в воде – русалка. И не теряй голову от страха, не забывай про кольцо на левой руке. Дерни перед тем, как упасть в воду, иначе потеряешь сознание от удара. Поняла?

– Поняла. – Больше всего Полине хотелось, чтобы профессор сказал, что у него есть запасной вариант – уплыть ночью на лодке, например.

– Давай, охрана уже в коридоре! – Тут Полина поняла, что профессор обладал теми же способностями, что и она.

С нормальным слухом ничего не было слышно, но стоило прибавить его, как донесся топот ног. Счет пошел на секунды. Профессор придвинул стол к перилам и помог Полине на него забраться. Внизу была бездна. Она хотела забрать Полину себе, навечно. Голова закружилась, и пропала сила в ногах.

– Какого черта, Громова! Прыгай, или я исправлю твою четверку на двойку, и вылетишь из универа к чертям собачьим! Ну!

Страх отбил у Полины волю к чему бы то ни было. Подчиниться так подчиниться. Полина встала на твердую поверхность парапета и, не глядя вниз, оттолкнулась изо всех сил, что остались в ее слабых ногах. Мир понесся навстречу Полине. Паника вызвала обратную ассоциацию, перед глазами сверкнула молния, и падение в бездну превратилось в медленное скольжение. Полина увидела свои руки, застрявшие на полпути и не расправившие крыло. Она немедленно сделала как надо. Полину дернуло потоками воздуха под расправившимся крылом. Затем Полина развела ноги и получила еще один толчок и чувство руля. Страх растворился в незабываемом чувстве самостоятельного полета. Мир тут же обрел прежнюю скорость и свист ветра под крылом. Искрящаяся в утренних лучах солнца морская поверхность стремительно летела перед взором девушки. Встречный ветер выбивал слезы из глаз.

Глава 6

Лететь было здорово, захватывало дух. Адреналин выбрасывался в кровь непривычно большими дозами. Полине казалось, что сейчас она не парит, постепенно приближаясь к точке падения, а летит, и полет совершенно безопасный. Таких ярких переживаний у нее не было никогда. Новые ощущения открывали неизвестные грани жизни, раздвигая рамки привычного. Жизнь могла быть смертельно опасной, но такой полной в своем стремительном порыве. Полина больше не жалела, что поддалась профессору, выбравшему этот путь бегства. Смертельно опасное переживание ставило ее над людьми, сознательно оберегающими себя от подобных опасностей. Ее поступок, так же, как и сверхспособности, вполне оправданно давал преимущество над обывателями. И если способности Полина получила случайно, то смертельный прыжок со скалы являлся осознанным поступком, дающим право считать себя лучше остальных.

Полине хотелось обернуться, чтобы увидеть, как далеко от нее та скала с балконом. Наверняка профессор смотрел ей вслед, желая видеть, что у Полины все получилось так, как он рассчитывал. Но она боялась обернуться из-за нарушения аэродинамики. Поверхность воды приближалась. Поднимающийся от нее воздух становился прохладнее. От мельтешащей ряби, серебрищейся в лучах восходящего солнца, появилась тошнота и легкая потеря ориентации из-за размытого фокуса. Так было, пока Полина не увидела темное пятно своего отражения на зыбкой поверхности. Оно быстро увеличивалось. Пора. Правая рука, с трудом преодолевая сопротивление воздуха, потянулась к левой, нашарила кольцо и дернула. По спине пробежал импульс. Полине показалось, что у нее появился второй позвоночник. Перед головой расправилась защита, прикрывающая ее от удара. Полина успела сделать три глубоких вдоха, прежде чем влететь в воду.

Защита сработала штатно. Толчок был жестким, но гораздо слабее, чем ожидалось. Полина вошла в воду на глубину около десяти метров, оставив за собой дорожку из поднимающихся пузырей воздуха. Она замерла и подождала несколько секунд в том положении, в котором вошла в воду. Убедившись, что никакой опасности нет, поплыла под водой. Мощные гребки при помощи костюма, вместо крыла, исполняющего теперь роль перепонки, устремили девушку прочь от тюрьмы «свободного мира».

* * *

Всплывать приходилось через каждые десять минут. Воздух во время работы заканчивался быстрее, а также существовала опасность потерять направление движения. Скала, в которой была заточена Полина с профессором, оставалась единственным ориентиром. Темное пятно балкона указывало ей правильное направление.

В такое раннее утро ни лодок, ни катеров, ни яхт в море еще не было. Туристы нежили свои слабые тела в кроватях, восстанавливаясь после вечернего ужина с вином. Когда Полина всплыла в третий раз, до слуха донесся звук мотора, приближающегося со стороны скалы. Девушка сделала несколько глубоких вдохов до сильного головокружения и ушла под воду на глубину больше обычной.

Звук мотора стал различаться даже в воде. Полина увидела тень от судна, проскочившую над головой. Как-то они смогли вычислить ее курс. Может быть, у нее был маячок. Возможно, стей поставит его Полине незаметно имелось множество. Тень лодки с расходящимися от нее бурунами снова проскочила над головой. Знают или предполагают? Полина решила не обращать внимания на погоню и сконцентрироваться на правильном расходовании воздуха.

На глубине двадцати метров животный мир моря держался от Полины в стороне, но проявлял любопытство. Стайки рыб ломаными зигзагами вились неподалеку. Коллективным сознанием они пытались понять, что за странная рыба завелась в их владении. Внезапно стайка разлетелась в стороны, как будто взорвалась серебристыми осколками. Появилась пара серых дельфинов. Смысленные животные приблизились к девушке и проплыли рядом с ней до момента, когда пришлось подниматься к поверхности за глотком воздуха. Дельфины проводили ее до самой кромки и снова ушли вглубь.

Жажда воздуха пересилила страх. Перед глазами забегали разноцветные круги, кровь застучала в ушах, и сердце выпрыгивало из груди, накачивая бедную кислородом кровь в органы. Полина буквально пробила головой водную поверхность и сделала глубокий и громкий вздох. Только после этого огляделась. Мотор лодки был слышен совсем рядом. Полина обернулась и увидела ее. На борту с биноклем стоял Ионас, облаченный в водолазный костюм. С ним находился второй охранник, разговаривающий с южным акцентом, и еще один мужчина, которого она не видела раньше, он тоже был в водолажном одеянии. Незнакомец держал в руках оружие. Полина задышала, чтобы наполнить кровь кислородом на ближайшие десять минут интенсивной работы. Скала с темной точкой была далеко, но направление она пока выдерживала правильное.

Выстрел и фонтанчик брызг слева от головы Полины заставил ее нырнуть в воду, не успев набрать достаточного количества кислорода. Тень от лодки нависла над головой. Полина посмотрела вверх, узнать, что предпримут ее преследователи. Два всплеска по обе стороны лодки вспенили воду. Из расходящихся кругов появились черные тела в водолазных костюмах. Они завертелись, выискивая девушку глазами. Один указал второму направление, в котором он увидел Полину. Ей только и оставалось, что поднажать на скорость, уверовав в технический гений профессора и собственные силы.

Тень от лодки преследовала девушку, все время держась над головой. Пловцы отстали. Профессор не подкачал. Упругие толчки придавали приличное ускорение. С таким костюмом и способностями подолгу обходиться без воздуха можно было стать морским жителем, прототипом беляевского Ихтиандра.

Напряженная работа мышц активно расходовала кислород. Меньше чем через пять минут Полина почувствовала сильные позывы вдохнуть воздух. Глубина была приличной, а желание вдохнуть – нестерпимым. Полина чуть не впала в панику, пока добиралась до поверхности. Наверное, она ушла на большую глубину от страха, чем обычно. Тень от лодки ее уже не беспокоила. Громкий крик, а не вдох, вырвался из ее горла. Легкие ходили, как мехи. Сзади раздался звук мотора. Полина оглянулась и увидела, как мужчина правит лодку прямо на нее. Несколько секунд было у нее в запасе.

При том что преследователь был защищен, его глаза выражали страх. Полина знала, что ее лицо, сейчас пунцово-красное, могло напугать мужчину, знающего, что перед ним не совсем обычный человек. За несколько метров до столкновения Полина сделала резкий бросок вправо. Ее толкнули волны, расходящиеся от лодки. Пока лодка совершала разворот, у нее имелась пара десятков секунд надыхаться как следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.